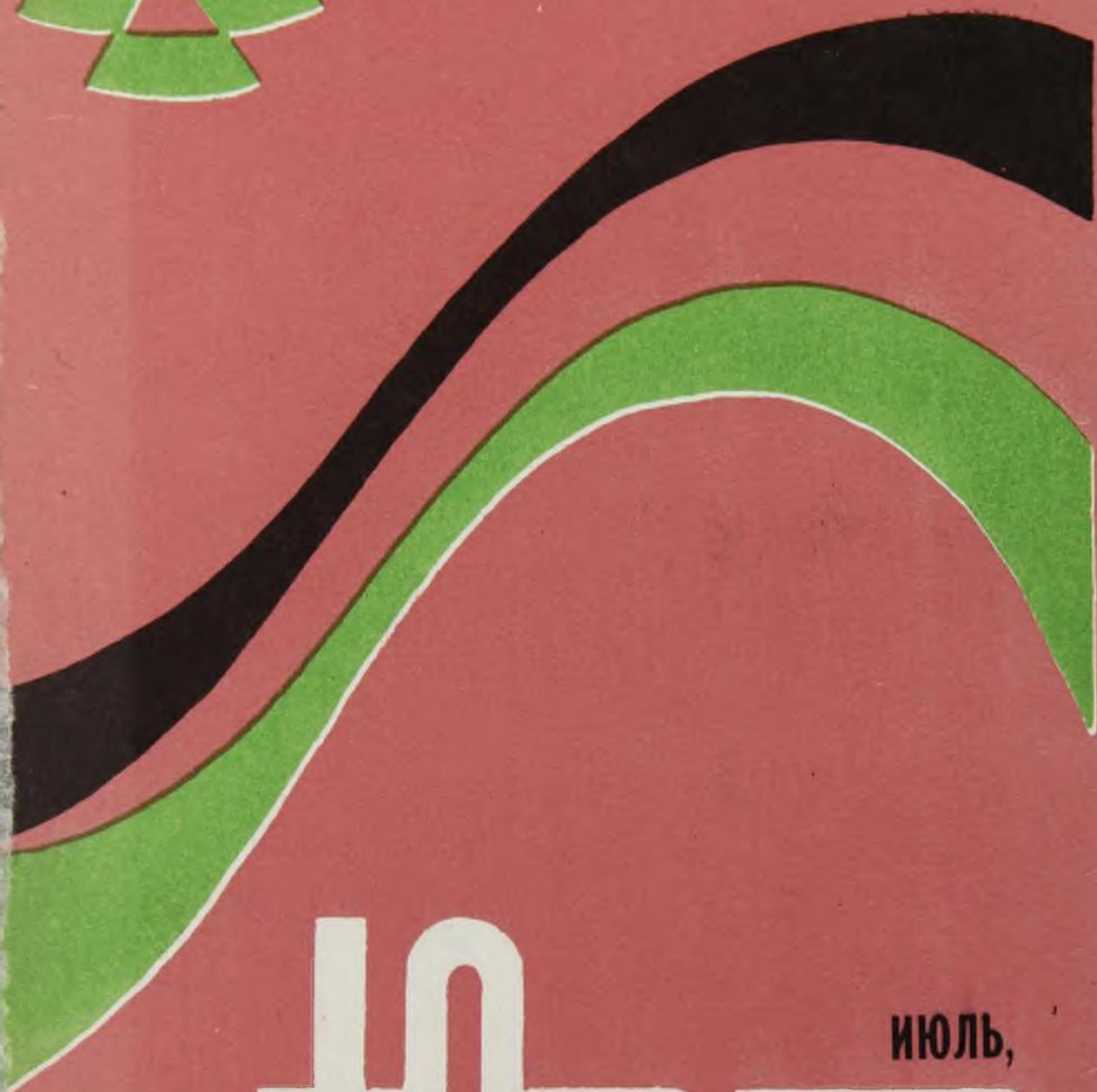
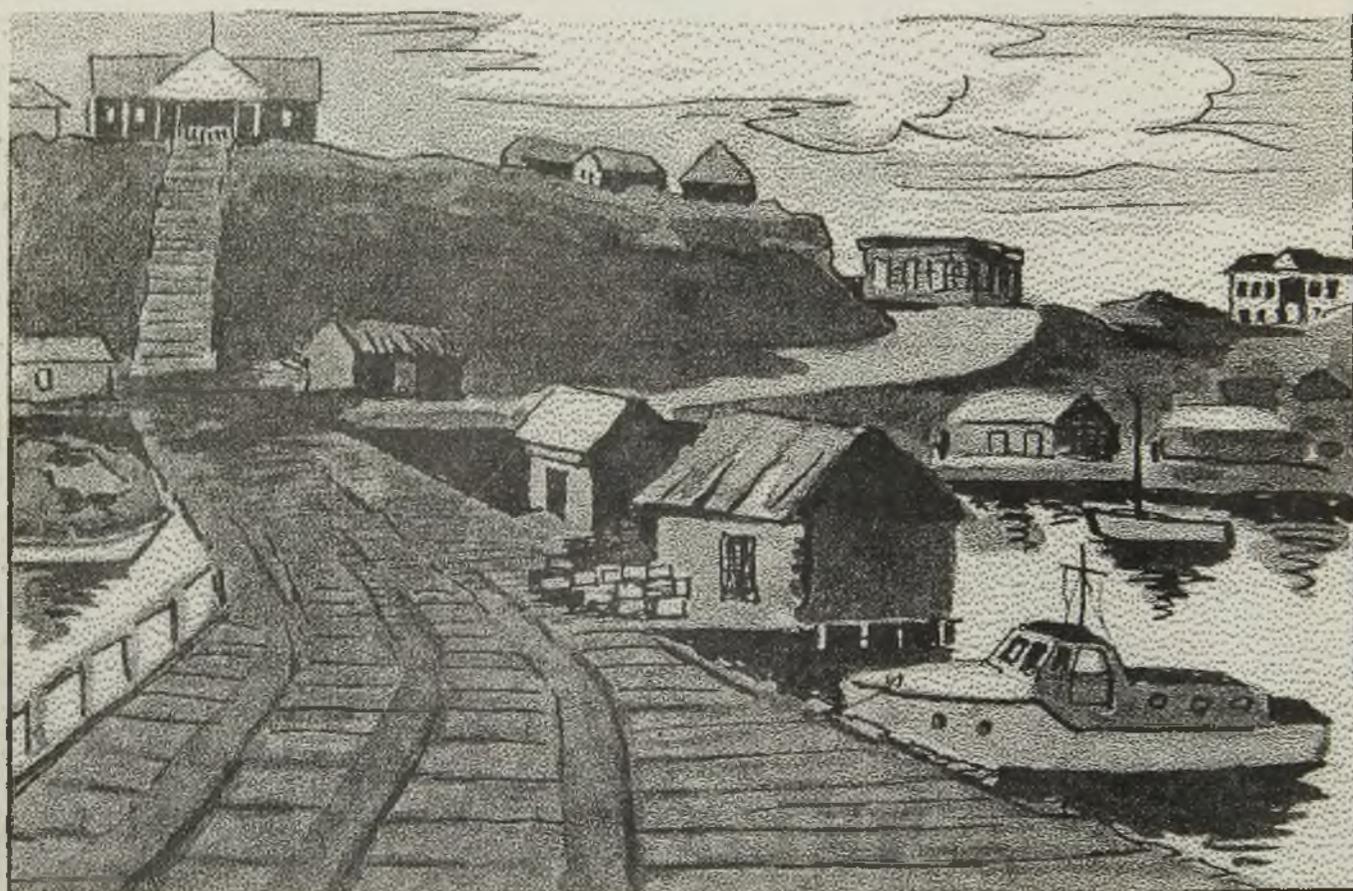

ISSN 0869—4788

Июль,
ЮгРА

7. 93

Пристань Березово
Рис. А. Сургутскова

«ЮГРА»
№ 7 (21), июль 1993 г.

Издается с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К.Белобородов
(редактор),
Н.И.Коняев
(ответственный секретарь),
Л.В.Луцай,
Т.А.Молданова,
Ю.С.Хозяинов.

Адрес редакции: 626200,
г.Ханты-Мансийск,
ул. К. Маркса,14.
Телефон редакции: 4-12-25.

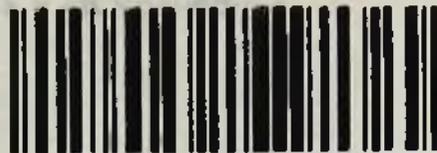
Журнал зарегистрирован регио-
нальной инспекцией по защите
свободы печати и массовой ин-
формации при мининформпеча-
ти Российской Федерации.
Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал
можно с любого номера
в местном отделении связи.

Сдано в набор 12.04.93 г.
Подписано к печати
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага
газетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 3,8. Уч.изд.л.4,48.
Тираж 2400 экз. Заказ
Цена 24 руб.,
в розницу — свободная.

Оригинал-макет подготовлен
Ханты-Мансийской окружной
типографией.
Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть» управ-
ления печати и массовой инфор-
мации администрации Курганской
области. 641800, г.Шадринск,
ул.Спартака, 6.

Историко-культурный журнал
Учредители — администрация Ханты-
Мансийского автономного округа,
нефтяные энциклопедические компании
«Ак

218052008

Государственная библиотека Югры

В номере:

В.Г. Короленко. Из письма к А.В. Луначарскому	2
Экологический кодекс России	3
Хочется помочь людям	6
О. Зырянова. Библиотека семейного чтения	9
Ю. Созонов. Мы вас помним, ребята	11
Д. Шлябин. Один из путей экологического оздоровления	14
Н. Сармаев. Брошенная земля	17
А.Кузнецов. Варовая пора	19
А.Тахтуева. Изготовление коробки из пихтовой коры	23
Игры сургутских хантов	25
«Сообщения краеведов»	27
В.Балин. Романовы в Тобольске	28
И.Гладкий. Из дневников	30
Н.Калымов. Пантрашкина	34
«Сибирские страницы»	39
В.Коробов. Стихотворения	40
Е.Грошева. Березово-пуп земли	42
А.Конькова. Морозная зима. Ворчун	47
Т.Молданова. Орнамент «Мужчина на лошади»	50
Говорите по-мансийски	52
А.Заев. Топонимический словарь Югры ...	53
П.Кистер. Верстачная доска	54
В. Плотников. На фоне больших кораблей ..	56
Ю.Гордеев. Ореховка	62

13800п

СХП

В.Г. КОРОЛЕНКО

Из письма к А.В. Луначарскому

Нам надо пройти еще довольно долгую и суровую школу. Вы говорите о коммунизме. Не говоря о том, что коммунизм есть еще нечто неоформленное и неопределенное и вы до сих пор не выяснили, что вы под ним разумеете, — для социального переворота в этом направлении нужны другие нравы. Из одного и того же вещества углерода получают и чудные кристаллы алмаза и аморфный уголь. Значит, есть какая-то разница во внутреннем строении самих атомов. То же нужно сказать и о человеческих атомах, из которых составляется общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизовать из данного общества. Во многих городах Швейцарии уже теперь вы можете безопасно оставить любую вещь на бульваре, и, вернувшись, застанете ее на том же месте. А у нас — будем говорить прямо... Точный учет в таком вопросе, конечно, труден, но вы знаете, у нас есть поговорка: не клади плохо, не вводи вора в грех. И вы, вероятно, согласитесь, что на тысячу человек, которые прошли бы мимо какой-нибудь плохо лежащей вещи, в Европе процент соблазненных будет гораздо меньше, чем в России. А ведь и такая разница уже имеет огромное значение для кристалла. Прошлую осень я был в украинской деревне и много разговаривал с крестьянами обо всем происходящем. Когда я рассказал о том, как в Тулузе моя дочь с мужем прожили год на квартире, населенной рабочими, ни разу не запирая на ночь дверей, — это возбудило величайшее удивление.

— А у нас, — грустно сказал на это один хороший и разумный крестьянин, — особенно в нынешнее время, если хлопчик принесет матери чужое, то иная мать его даже похвалит: хорошо, что несешь в дом, а не из дому.

И это с тех пор, как вы провозгласили коммунизм, не ослабло, а усилилось в огромной степени.

Маленький, но многозначительный пример: чтобы хоть несколько ослабить недостаток в продовольствии, городское управление Полтавы (еще «буржуазное») поощряло разработку всех свободных участков земли. Таким образом участки перед домами на улицах оказывались засаженными картошкой, морковью и пр. То же и относительно свободных мест в городском саду. Это уже несколько лет стало традицией.

В этот год картофель уродился превосходный, но...его пришлось выкопать всюду задолго до того, как он поспел, потому что по ночам его просто крали. Кто крал — на этот раз не важно. Дело, однако, в том, что одни трудились, другие пользовались. Треть урожая погибла потому, что картофель не дорос, запасов на зиму из остальной части сделать не пришлось потому, что недоспевший картофель гнил. Я видел группу бедных женщин, которые утром стояли и плакали над разоренными ночью грядками. Они работали, сеяли, окапывали, пололи. А пришли другие, порвали кусты, многое затоптали, вырвали мелочь, которой еще надо было доходить два месяца, и сделали это в какой-нибудь час.

Этот пример указывает, что такую вещь, как нравственные свойства народа, можно тоже выразить в цифрах. При одном уровне нравственности урожай был бы такой-то, и городское население до известной степени было бы обеспечено от зимнего голода. У нашего народа «при коммунизме» огромная часть урожая прямо погибла от наших нравов. Еще больший ущерб предстоит оттого, что на будущий год многие задумаются обрабатывать пустые места — никому неохота трудиться для воров... И никакими расстрелами вы с этой стихией не справитесь. Тут нужно нечто другое, и во всяком случае до коммунизма еще далеко.

19 августа 1920 г.

Документы ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОДЕКС РОССИИ

(экологическая этика для всех групп населения)

Проект Института философии РАН

Природа — естественная среда возникновения и развития человека. Человек — дитя природы. История природы и история общества тесно взаимосвязаны. От качества природного окружения зависят физическое и духовное здоровье, трудоспособность, долголетие и материальное благосостояние людей.

С ростом численности населения и развитием цивилизации общество постоянно усиливает свое воздействие на природу. Местные изменения среды перерастают в глобальные, затрагивая фундаментальные свойства биосферы: химический состав, температуру и влажность воздуха, озоновый экран, радиационный фон и т.п., а в результате исчезают сотни видов растений и животных. Нынешние коренные изменения условий существования жизни на Земле ведут к скорой планетарной экологической катастрофе.

Глубинная причина деградации природы — в ценностных установках человеческой деятельности, в соответствии с которыми природа является средством достижения экономических целей. Для выживания человечества надо изменить господствующие обычаи и привычки. Только гармония со всей окружающей природой может дать людям благоприятные перспективы и обеспечить нравственный смысл развитию цивилизации. У общества и природы общая судьба. Их будущее зависит от каждого из нас.

Обеспечение граждан России жизненно необходимыми природными условиями существования, выполнение гуманной задачи сохранения флоры и фауны для эстетического любования, духовного совершенства и экологического процветания предполагает сознательное соблюдение следующих нравственных норм поведения,

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

1. Природа — наш общий Дом, достояние всего человечества. Поддержания ее в благоприятном для жизнедеятельности состоянии — обязанность всех людей вместе и каждого в отдельности.

2. В мире все связано со всем. Природа и общество составляют единый комплекс. Вредное для одной части целого не может быть безразличным для другой. Урон, наносимый отдельному виду животных и растений и их сообществам, распространяется на все живое, включая человека. Поэтому деятельность, связанная с нарушением природных систем, угрожает существованию человечества и всему живому на Земле, а потому безнравственна.

3. Всякая жизнь уникальна, неповторима и самоценна. Благоговение перед жизнью — основа нравственного поведения человека. Этичные отношения между

людьми — необходимая предпосылка гуманного отношения к природе.

4. Деградация нравственности и природы взаимообусловлены. Природопреобразующая деятельность должна строиться на основе нравственной мудрости мира. В каждом конкретном случае следует поступать согласно правилу: относись к природе так, как хочешь, чтобы относились к тебе.

5. Целостность природной среды — гарантия существования человечества как вида. Разрушая природу, мы причиняем ущерб не только самим себе, но и нашим потомкам и несем нравственную ответственность перед ними за сохранение многообразия и богатства природного мира.

6. Защита биосферы — первоочередная общенациональная и общечеловеческая задача. Ее осознание — показатель нравственной зрелости общества.

ПРИНЦИПЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ

1. Свобода природопользования ограничивается нравственными и правовыми нормами и естественными законами развития жизни на Земле. Игнорирование их ведет к деградации природы, нарастанию социально-экономических трудностей и в конечном счете к гибели человечества и живой природы.

2. Существуют естественные пределы преобразования природы. За их границами начинается экологическая катастрофа. Нарушение этих пределов недопустимо.

3. Технологические процессы должны соотноситься с круговоротами вещества и энергии. Цели человека и средства их достижения должны отвечать экологическим требованиям.

4. Идеология безграничного покорения природы безнравственна и губительна. Перспективы выживания человечества связаны с взаимным совместным развитием природы и общества. Стратегия социального и научно-технического развития, прогрессивность любых новшеств должны оцениваться с учетом экологических ограничений.

5. Преобразование природы недопустимо без знания его отдаленных последствий. Власть над силами природы становится проклятием, когда ради сиюминутных выгод пренебрегают будущим. Не навреди! — столь же верно в экологии, как и в отношении к человеку.

ОСНОВНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

1. Право на здоровую среду обитания — важнейшее из прав. Каждый человек имеет право на использование природных комплексов для отдыха и удовлетворения эстетических потребностей. Право на благоприятные для жизни и здоровья природные условия имеет приоритет над другими правами и интересами (политическими, экономическими и т.д.).

2. Здоровая природная среда — национальное достояние. Хищническое отношение к природе — посягательство на права людей. Население имеет право контроля за деятельностью государственных и иных предприятий, влияющих на экологические условия проживания в данной местности.

3. Жизненно важные экологические решения должны приниматься с участием населения, непосредственно проживающего на территории, затрагиваемой этим

решением, а в случае, если они касаются всего населения страны, всенародным референдумом.

4. Каждый человек имеет право на получение необходимой информации об экологическом состоянии мест проживания, работы и отдыха, а также относительно любой деятельности, оказывающей влияние на природную среду и здоровье человека.

5. Любой потребитель вправе потребовать от производителей своевременную, полную и достоверную информацию об экологическом качестве товаров и услуг. Государственные органы, промышленные предприятия и другие учреждения обязаны по требованию отдельных граждан и организаций предоставлять подобную информацию в доступной для всех форме.

6. Условием ограничения доступа к экологической информации могут быть лишь интересы сохранения государственной тайны и национальной безопасности. Решения о секретности экологической информации принимаются ответственными органами государственной власти.

7. Каждый человек имеет право обращаться в государственные инстанции и общественные организации с просьбой о проверке предоставленной информации о состоянии природной среды и мерах по ее охране, а также о проведении дополнительной экологической экспертизы.

8. Каждый гражданин имеет право быть членом экологических партий, союзов, ассоциаций, фондов и иных общественных организаций и публично, а также в средствах массовой информации выражать свое мнение относительно природоохранного законодательства и экологических решений.

9. Каждый человек имеет право обращаться в суд с требованиями защиты своих прав на благоприятные экологические условия жизни, труда и отдыха; предъявлять иски о возмещении вреда, причиненного здоровью и имуществу по причине экологических правонарушений. Виновные за причиненный ущерб должны полностью возместить его.

10. Каждый субъект природообразовательной деятельности должен заранее информировать государственные органы и общественность о возможных негативных последствиях своей деятельности для природной среды и здоровья населения.

11. В случае внезапного изменения экологической обстановки и возникновения чрезвычайной ситуации государственные органы обязаны немедленно информировать население России и других государств в целях обеспечения всеобщей экологической безопасности. Судьба России связана с судьбой человечества признанием Спасения Природы делом всех и каждого человека.

(«Зеленый мир» № 3, 1993)

Хочется помочь людям

Наш собеседник — заведующая отделом культуры администрации г. Нижневартовска Наталья Ивановна Наумова.

— В последние годы часто слышатся жалобы на тяжелое положение культуры, некоторые считают, что происходит ее разрушение, гибель, что она не получает необходимой поддержки. А как обстоит дело в Нижневартовске — чувствуется заинтересованность со стороны городских властей, предпринимателей?

— Если говорить о государственном финансировании, то средств с каждым годом выделяется все больше. Нас все время сравнивают с Сургутом. Конечно, в этом сравнении мы пока проигрываем. Ведь в Сургуте ростки культуры были заложены с самого начала. Трудно сказать в чем причина такого различия: или там руководители были дальновиднее, или отношение к этому городу было несколько другое и в его развитие больше вкладывалось средств, а Нижневартовск долгое время существовал как вахтовый? Но это факт, что нам с Сургутом тягаться очень сложно. И тем не менее сейчас чувствуется стремление к развитию культуры. То, что мы находим необходимым делать, получает поддержку. Если в прошлом году нам было выделено 1,8% городского бюджета, то в нынешнем — уже 2,5 и есть готовность поднимать этот процент и до 3, и до 4, и, как предусмотрено законом о культуре, до 6.

Что касается непосредственного интереса к событиям культурной жизни города — он еще невелик. Ведь известно, как было раньше в России: любит ли губернатор музыку, или театр, или изобразительное искусство или нет, но чтобы он не посетил открывающуюся выставку, концерт, новую театральную постановку — это был нонсенс. Сейчас этого нет. Вот весной у нас в городе прошел великолепный Всероссийский фестиваль струнно-смычковой педагогической ассоциации. Мы, со своей стороны, устроили выставку работ нашей художницы Натальи Волик, показали спектакль детского театра «Скворешник». Концерты шли пять вечеров подряд, и каждый вечер был открытием в мире музыки. Я сама не музыкант, но получила большое наслаждение от этих концертов. И в то же время мы увидели, что посещать такие мероприятия в нашем городе не престижно. Хотя мы буквально заполнили афишами весь город, на концерте я увидела всего несколько лиц из тех, чье присутствие помогло бы воспитанию этой престижности. Но, повторяю, расположенность к культуре постоянно чувствуется и в финансовой поддержке, и в одобрении наших идей.

— А понимание самого содержания понятия «управление культурой» — меняется ли оно?

— Думаю, меняется. Я ощущаю это на себе. Такого явного противодействия, какое нередко бывало раньше, теперь уже нет. Ведь столько лет в представлении многих мы были всего лишь скоморохи, и чуть ли не каждый руководитель считал для себя возможным давать нашим работникам советы, что и как нужно сделать,

да при этом еще и настаивал. Но мне бы хотелось, чтобы еще больше доверяли специалистам и считались с ними. У нас есть умные, светлые головы, прислушавшись к которым можно было бы по-другому увидеть какую-то проблему. Я думаю, все это — дело времени. При этом и нашим некоторым работникам необходимо преодолевать и свою инертность, и настроения нахлебничества («Вы мне дайте зарплату, а уж как я сработаю — это моя личная проблема»).

Главное сейчас — это молодые кадры. И если мы решим вопросы их привлечения и обеспечения всем необходимым для творческой работы, мы преодолеем тот застойный барьер, около которого остановились и хотя знаем, что и как нужно делать, но силенок еще не хватает. А поле деятельности открывается широкое. Здесь планируется открытие художественной и хореографической школ, строительство театрального центра, который бы обеспечивал преемственность в воспитании зрителя: сначала кукольный театр для малышей, потом — ТЮЗ, потом — взрослая труппа. Пробивается идея, что нужно воспитывать прежде всего театром, т.к. он впитывает в себя все: и сценическое искусство, и музыку, и хореографию, и живопись. Именно через него даются убедительные ответы на многие вопросы: что такое любовь? что такое подлость?.. Книги нынче мало читаются, сыграло свою роль свержение всех кумиров. Культура масс очень низкая сегодня, и не только в нашем городе. И не хватает кадров, чтобы эту массовую культуру поднять.

Возьмем вопрос религиозной культуры. Люди наши в большинстве своем не воспитаны в вере, и сейчас многим просто любопытно узнать: а что это такое? Нужно как-то удовлетворять этот интерес. В городе существует уже много различных религиозных обществ, и меня беспокоит вопрос: как направить и использовать во благо эту мощную волну? Может быть, начинать знакомство с Библией с начальных классов или еще раньше — с детского садика? Я не знаю, нужно искать. Нужно, конечно, использовать возможности радио, телевидения — не для агитации, а для разъяснения — что такое мусульманство, христианство, кто такие кришнаиты? Но нельзя относиться к религии, как к моде. Крест надеть просто, но уверовать — неизмеримо сложнее.

Еще одна проблема — космополитизм в культуре и засилье всего иностранного. Посмотрите, что идет по телевидению — сплошь американские боевики, детективы и пр. Почему те, кто работает на телевидении, составляют такие программы? Куда делись наши фильмы? Посмотрите, какие мы печатаем книги, на что идет прекрасная бумага. У меня как у россиянки возникают одновременно чувства и обиды, и гордости за нашу культуру. Разве отечественный кинематограф слабее американского? А наша театральная школа? Она же принята во всем мире. Приезжают — то к нам учиться и восхищаются нами. Вот мы сейчас затеваем музыкальную академию. Предполагается участие в ней Ирины Архиповой, Владимира Спивакова. Почему они обратили свое внимание в нашу сторону, в глубинку? Да потому, что у них есть чувство гордости русского человека, и они хотят свое искусство нести не только за границу, но и работать в провинции, которая всегда питала культуру государства. Я думаю, эти проблемы как следует должны быть всеми поняты. И тенденция к этому есть — к пониманию, доброму восприятию.

Просто, знаете, как всегда, хочется форсировать, чтобы все исполнилось побыстрее. Но быстро ничто не делается.

— Какие бы Вы назвали новые интересные явления культурной жизни города?

— Со всех сторон правильным было решение принять в муниципальную собственность от нефтяников Дворец культуры «Октябрь». То же было сделано в отношении парка культуры и отдыха, клуба имени 50-летия комсомола. Это значит, что мы сможем их сохранить для горожан как культурные учреждения. О детском доме культуры пока еще идут дебаты, хотя есть распоряжение Совета. Очень отранно, что город пошел на такой шаг — эти учреждения уже ограждены от перепрофилирования.

Мне отранно наблюдать, как меняется вообще атмосфера — например, отношение педагогов к своему делу, к самим себе. Люди проникаются уважением к себе, своей работе, начинают вспоминать о своем достоинстве, высоте. Отранно, что люди возвращаются к своим профессиям. Ведь насколько расплывчато они именовались раньше: методист, культорганизатор. Сейчас — режиссер, хореограф, художник. Раньше все это было стерто, а сейчас возродилось понятие специалиста, его профессионализма.

Очень отранно, что стала возвращаться классическая культура. Делаем первые попытки, чтобы подготовиться к этой большой работе — проводим семинары, организуем творческие лаборатории. Первый большой опыт — это Всероссийский фестиваль, о котором я говорила. Дальше пойдет создание музыкальной академии, городской филармонии, в которой попробуем собрать все наши сильные коллективы и сделать их полупрофессиональными. Это ансамбль скрипачей, мужская хоровая капелла, ансамбль народных инструментов.

Появляются предложения от специалистов. Появилась инициатива у людей и вера в то, что эта инициатива может быть воплощена.

— И это дает силы, чтобы пройти через большие трудности и даже очень много времени заниматься как бы не своим делом, будучи уверенным, что если через это пройдешь, то можешь рассчитывать на то, что какой-то желанный для тебя результат ты получишь...

— Да, это происходит. Я и сама в свое время решилась перейти на управленческую работу, хотя очень люблю свое дело. Специалисты говорили: театр для вас важнее, таких специалистов мало. Но хочется помочь людям. Когда-то я сама пережила тяжелые времена, никуда нельзя было пробиться и пришлось уходить с театром на улицу. И я довольствуюсь хотя бы тем, что другим людям помогаю избежать такого состояния. Для этого и Губенко пришел в свое время на пост министра культуры, и Соломин. Пусть это было недолго, но они свое дело сделали — изменили направление в культуре, открылось новое течение, которое уже не сбить. И знаменательно, что подобная жертвенность, присущая россиянам, проявилась именно в нынешнее время. Этот шаг должен был совершиться и дал хорошие результаты. Ну, а сейчас, наверное, нужно, чтобы все возвращалось на свои места, все занимались своим делом.

Записал В.Белобородов.

Библиотека семейного чтения

О. Зырянова, заведующая библиотекой

Традиционное деление библиотек на взрослые и детские зачастую создает неудобства в пользовании книгами — например, для семей, в которых есть дети дошкольного возраста, еще не пользующиеся полным правом быть читателями даже детской библиотеки. Представьте себе такую картину: в центре Сургута в огромном здании располагались две библиотеки: взрослая и центральная городская детская. В каждую — отдельный вход, по разным лестницам; мама поднимается по одной, а дочка — по другой. Обменяться мнением, посоветоваться — такой возможности они не имели.

И вот год назад, после творческой командировки в Москву и Санкт-Петербург мы решили из двух библиотек с хорошими фондами (обе существуют с 1967 г.), достаточно удобных и просторных сделать одну, но такую, чтобы в нее могли приходить семьями. Городское управление культуры поддержало нас, выделило дополнительные средства.

Чем же мы отличаемся от всех других библиотек? Первый определяющий признак — это неограниченный по возрасту состав читателей. Мы обслуживаем всех, начиная с 2-3-летнего возраста и до глубокой старости, независимо от того, в какой части города живет наш читатель. Интересен сам путь продвижения читателя по библиотеке. Сначала он попадает в абонемент для детей младшего школьного возраста, затем проходит в комнату, где обслуживается юношество, и только оттуда попадает в абонемент для взрослых, т. е. книжный фонд открывается перед ним в возрастной последовательности. И если у кого-то раньше и мысли не было, чтобы взять книгу для сына или внука, то теперь это случается нередко. Бывает и наоборот: дети берут книги для своих родителей. Есть у нас специальный фонд психолого-педагогической литературы в помощь родителям, и мы активно его пополняем, ведем рубрики «Семейное право», «Гамма супружеских отношений», «Интимный мир семьи», «Семейное воспитание», «Домоводство», «Огородничество» и другие.

Во-вторых, у нас разработаны специализированные программы. Вот, например, программа «Семейная гостиная» предусматривала беседы наших гостей с детским врачом о том, как вырастить детей здоровыми в условиях Севера, с психологом — на тему «Психология родительской любви», с искусствоведом — об эстетике быта. И такие встречи состоялись. Пока родители беседуют в «Семейной гостиной», с их детьми занимаются библиотекари — знакомят с новинками литературы, показывают видеофильмы.

Есть и программа «Библиотека — центр эстетического воспитания», которую составляют три видеолектория. С центральным видеозалом мы заключили договор о получении кассет напрокат. Зал предлагает 4000 лент разной тематики, из них мы выбираем наиболее подходящие для своих циклов.

Как дети, так и взрослые, любят наши мероприятия, ждут объявлений, приглашений и, проведя у нас 2-3 часа, получают удовольствие от общения. К этому располагает и уютная обстановка гостиной. Немаловажно и то, что почти все эти мероприятия — бесплатные. Если подросток пойдет в центральный видеозал, он там заплатит от 80 до 150 рублей, у нас же это ему ничего не будет стоить, программа субсидируется нашим городским бюджетом.

Заработать мы пытаемся на том, чем библиотеки никогда не занимались и вроде как и не должны заниматься, но мы этот пласт подняли, и есть уже результативные опыты. Более полугодом на базе библиотеки действуют курсы по подготовке детей к школе. К нам поступило 150 заявлений, но мы для начала смогли принять только 30 детей. Наняли педагогов по письму, математике и чтению, психолога, логопеда. Занятия проходят три раза в неделю в здании библиотеки. Родители восприняли это новшество с благодарностью, ведь не каждый может сам заниматься со своим ребенком: ни учебников нет, ни знаний, ни методической подготовки. По нашему следу пошли две близлежащие школы и организовали такие же курсы.

Еще одно новшество — курсы по подготовке одиннадцатиклассников к сдаче вступительных экзаменов. Мы взяли на себя поиск педагогов, организацию занятий, и родители охотно записывают детей на курсы. Кстати, обходится им это недорого, т. к. мы берем деньги только для оплаты труда педагогов. Моя мечта — открыть с осени курсы психологической разгрузки для взрослых людей, которые по каким-то причинам отягощены различными неудачами в жизни (недавний развод, одиночество, другие душевные проблемы). Педагога мы уже нашли.

Конечно, можно было бы всем этим и не заниматься. Но если мы, видя, что возрастная дифференциация читателя искусственна, назвали библиотекой семейного чтения, то должны идти дальше, чем обычная смешанная библиотека, и оказывать помощь родителям и их детям во многих вопросах нашей жизни. И далеко не только через книгу, через чтение. Диапазон нашей работы неизбежно расширяется, но нам это нравится. Нужно видеть семью, которая проходит по библиотеке от стеллажа к стеллажу, обменивается мнениями, просматривая одну и ту же книгу, общается с другими читателями, отдыхает душой... И когда видишь добро в глазах, слышишь благодарные отзывы, то понимаешь, что вернуться к старым формам работы уже невозможно, мы пойдем дальше. Удовлетворенность работой в коллективе большущая, люди увидели новые возможности и новые грани библиотечного труда.

г. Сургут

МЫ ВАС ПОМНИМ, РЕБЯТА

Тринадцать лет при Ханты-Мансийской средней школе № 1 действует школьный музей. Работа подобного учреждения некоторым представляется, может быть, чем-то полусерьезным, но это совсем не так. Это длительный и кропотливый поиск, попытки и неудачи, пробы и ошибки, сотни собранных экспонатов и документов, тысячи и тысячи экскурсантов, испытывавших здесь волнение души. По нашей просьбе о музее рассказывает его основатель, известный многим ханты-мансийцам педагог Юрий Георгиевич СОЗОНОВ.

Я сам учился в этой школе и в 1942 году вместе со своими товарищами-девятиклассниками был призван в армию. После войны я вернулся, окончил институт, но в школу все никак не мог зайти: болела душа оттого, что одиннадцать парней из моего класса погибли. А в 1964 г. волею судьбы мне пришлось стать директором этой школы. Время было трудное: часто менялись директора, школа как бы потеряла свое лицо, и я не знал, с чего начать. Потом пришла идея. Я собрал ребят из комитета комсомола и предложил: давайте разыскивать материалы о погибших учениках нашей школы. Поддержали. Собрали три поисковых группы: одна работала в военкомате, другая в архиве, третья в редакции окружной газеты. Из классных журналов военных лет выбрали все мужские фамилии, узнали, кто был призван в армию, кто погиб. А из газеты переписали все статьи о нашей школе (у меня сейчас хранится несколько общих тетрадей с этими выписками). Кое-какие документы нашли в архиве. И когда все это просмотрели, стало просто страшно: из школы ушло на войну более 400 человек и 50 из них погибли — два учителя и 48 учеников. Решили в память о них открыть мемориальную доску. Целый год работали, провели конкурс между классами на лучший проект. Словом, всколыхнули всю школу. И 8 мая 1965 года, в канун праздника 20-летия Победы, открыли школьную мемориальную доску. Пришло много родственников, соучеников погибших. И тут же на линейке ребята из комитета комсомола сами предложили: давайте поставим памятник.

Конечно, памятник — это дело трудное. Долгое время ничего не получалось, пробовал заручиться поддержкой горсовета — не вышло. И тогда решил пойти к первому секретарю окружкома партии П.М. Телепневу. Он говорит: «Открывайте». С помощью московского поэта Алексея Смольникова, нашего выпускника 1944 года, мы заказали памятник на Московском экспериментальном скульптурно-производственном комбинате. Но нужны были деньги, и мы пять лет зарабатывали их всей школой. Нанимались чистить тротуары зимой, садить и копать картошку. Когда прокладывали по городу телефонный кабель, в тех местах, где не могла пройти машина, наши девятиклассники все лето копали канавы вручную. Полностью расплатились за памятник, и 8 мая 1970 г. заложили его в честь 25-летия Победы. Сам памятник был еще в пути, и только через год мы подняли его на постамент.

К тому времени накопилось уже много материала: фотографии, извещения о гибели ребят, фронтовые письма, воспоминания. Мы совершили поход в Смоленскую область, где погибли 11 выпускников нашей школы — прошли по их боевому пути, побывали на могилах. В городе Ельня, где похоронен наш выпускник Валентин Киселев, школа передала нам боевые реликвии: осколки снарядов, противогаз, каску воина. И мы разместили все это уже в отдельном классе. О музее мы пока не думали, но как-то были в школе работники облоно, увидели нашу экспозицию и сказали: вам надо музей открывать. В апреле 80-го года пришло свидетельство об аттестации бывшей ленинской комнаты на звание школьного музея.

Главное, что мы сделали — увековечили память о наших погибших ребятах. Но попутно собралось много и другого материала. Мы нашли документы о герое Сталинградской битвы М.А. Коневе, Герое Советского Союза Ф.П. Пуртове — наших выпускниках, собрали сведения об учителях школы. Постепенно сформировалась 21 экспозиция — все сменные, т. к.

помещение небольшое. Первая экскурсия, которую мы проводим после начала учебного года для всех, кто впервые пришел в нашу школу — об истории школы. Осенью же проходят экскурсии «Город, в котором я живу», «Кланяются люди учителю», позднее — «Памятники нашего города» (у меня есть истории создания каждого памятника), «Фронтовые письма рассказывают», «Смоленский поход», «Шаг в бессмертие» — о подвиге нашего земляка Матвея Путилова, героя Сталинграда. В девяностом году мы ездили в Нефтеюганск на встречу с ветеранами 308-й стрелковой дивизии, в которой служил Путилов. Во встрече участвовали двенадцать школьных музеев, мы там представляли нашу экскурсию, и она заняла первое место. Эти материалы (с фотографиями, магнитными записями) по настоятельным просьбам мы потом послали в школьные музеи села Кантемировка Волгоградской области, Нефтеюганска, Орла, Омска.

Имеем постоянную связь с окружным музеем, много передали ему экспонатов — например, подлинники фронтовых писем. Часть материалов передали музеям народного образования Тобольского педагогического института и Тюменского педучилища.

В год у нас бывает 2500-3000 посетителей. Приходят ребята из других школ и даже приезжают. Нефтеюганцы были, березяне. Бывают обычно и учителя, приезжающие на курсы в институт повышения квалификации педагогических кадров. Экскурсии проводят сами школьники, среди них были и есть очень увлеченные ребята. Вот, например, была у нас активистка Валя Конева. Сейчас она заканчивает педагогический институт и хочет возвратиться в школу и снова работать в музее.

Записал В. Константинов

ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ

Д. Шлябин, председатель охотколлектива крестьянско-фермерских хозяйств.

Районное правление общества охотников и рыболовов постановило создать в гидросистеме ручья Тягор-Мугор воспроизводственный участок площадью 2200 га с закрытием любительской охоты сроком на 5 лет. Договор об охране, охотустройстве заключил первичный охотколлектив крестьянско-фермерских хозяйств. Производство, пашни, покосы находятся в том же районе.

Бурение поймы геологами в 80-е годы оставило тяжелое наследство в виде вытопанной техникой почвы, пересыпанных истоков, почти на нет сведенной ондатры, прочесанных неводами с помощью двух вездеходов озер (были и такие варварские факты). Поднять участок до уровня нормального охотничьего хозяйства, а потом превратить его в центр воспроизводства утки, ондатры — задача непростая.

После того, как были выставлены по границе аншлаги, население оповестили о создании участка через газету «Местное время». А после проведения инвентаризации угодий, паспортизации озер, промеров и описания их фауны, гидрофитов, составлена программа, перспективный план развития на 3 года, крупномасштабная карта участка для егерской работы. А это целый комплекс мероприятий. Что конкретно сделано за прошедшие 2,5 года?

На территории воспроизводственного участка и прилегающего острова Смольного выставлено 75 искусственных дуплянок, которые неплохо заселяются утками-дуплогнездовиками: гоголем и лутком. По учету 1990 г. количество отложенных яиц было 115, в 1991 году — 170, а в 1992 г. — 230 яиц. За три осенних охотничьих сезона за чертой воспроизводственного участка охотники с удовольствием могли отстрелять полтысячи уток. Но это только начало работы. За три сезона для пресечения браконьерства коллективом на личном транспорте (мотоподках, снегоходах) совершено не менее 40 рейсов. За сезон 1991 г. трижды помогал наряд милиции. Конфискованные орудия сдаются в госохотинспекцию, а это 30 капканов, 10 петель, 7 самоловов, 1 морда и 12 плашек. Пресечены десятки случаев незаконной охоты и рыбалки. Проведены разъяснительные беседы. Но есть случаи, когда необходимы другие меры. Так, 9 сентября 1990 г. на луг был выброшен десант из 5 человек вертолетом МИ-2. Разогнана стая лебедей-кликунов — около 100 птиц, живших месяц на заповедной территории. Рапорт с подробным описанием деяния браконьеров и их «извозчиков» был направлен администрации вертодрома г. Мегиона, начальнику авиаотряда, в райохотинспекцию. «Вынужденных посадок» с ружьями и капканами не должно быть.

Усилиями фермера П.В. Болдинова восстановлен нормальный проход рыбы на Смолинские ямы. Сделано то, что оставалось 4 года вне внимания рыбинспекции. Публикации в прессе, а главное штрафные санкции возымели действие и вынудили

виновных — объединение «Мегионнефтегазгеология» разрыть дамбу-тромб, мешавшую нормальному прохождению рыбы на нерест. И пора бы отойти от психологии «временщины» и поставить наконец-то постоянные перекидные железные мостики из труб навечно.

Остров Смольный объявлен и зарегистрирован в округе как памятник природы. На островке идет воспроизводство зайца, утки как с помощью биотехнических мероприятий, так и естественным путем. У города должен быть хоть один кусочек заповедной чудесной природы, не тронутой деятельностью человека. Это мера против самозахвата земель и бесчисленных пожаров, но обязательно необходимы контроль и охрана, а для этого должен быть хозяин у территории. Где вы, юные молодежные объединения, «Скауты», «Зеленые»? Вас ждет интересное, большое дело. Три лета коллективом в 13 человек сохраняется несколько тысяч гектаров лугов, кустарников, лесов от пожаров, уничтожающих нерестилища, кладки птиц, жилища зверьков, грызунов, насекомых — всего того, что составляет единую экосистему — пойменные луга.

Агропром НГДУ «Мегионнефть» знает, какую прекрасную траву косили они нынче на «воспроизводственном участке», где за 3 года на тушение пожаров у крестьян общины «Кулички» ушел не один день. Жаль, не обошлось у покосников и нынче без нарушений. У многих озер не соблюдена минимальная водоохранная зона — 15 метров до озер и 30 метров до речушек. Природопользователи должны знать и соблюдать законы земельного кодекса. Штраф в 20-кратном размере скорее научит этому. Похоже, многим просто необходим экологический ликбез. Когда один «взрослый дядя», сев за руль послушной техники, пересыпает истоки на нерестилище, другой подкашивает траву до уреза воды (больше заботясь о заработанных тысячах, чем о судьбе птиц, ведь у воды трава и выше, и гуще), а третий, небрежно бросив окурки, выжигает все живое на сотнях гектаров, то результат известен.

Конечно, можно искать причины в системе, в чем угодно, но причина одна — это наше бескультурье, «разруха в голове» прежде всего.

Упорно ползут слухи о тех, кто действительно делает для природы хоть что-то, не в силах выносить опустошения: рыбу «хапают», ондатру «выдавили», уток «долбите» — вотчину создали себе; разогнать участок надо, охотиться негде. Нетрудно догадаться, от кого исходит это: от того, кому не позволяют более совершать безнаказанные нарушения. Примеров немало. Так, 28 апреля 1991 года Д. Шлябиным, О. Безущенком и внештатным охотинспектором Р. Минязевым выпровожены с устья Тягор-Мугора 4 «весновщика». Репертуар известный: сбитые аншлаги, сети, рыба, ондатра в сети. Ответ один: не знали, что здесь воспроизводственный участок. Ондатре подняться до нормальной плотности 5 особей на 1 га водной площади не дает только браконьерство. Так, после зимнего учета выпихов (ледяных хаток) и жилых ондатровых хаток, их засыпали снегом от «чужих глаз». На 13 озерах было учтено 11 выпихов и 10 хаток, где находились около 100 особей. Вполне достаточно для полного расселения на воспроизводственном участке. Но этого не происходит: при нашей-то богатейшей кормовой

базе для ондатры-очистителя зарастающих от зелени озер. Ёмкость угодий по-прежнему остается неиспользована!

В планах — инкубация и выпуск молодняка уток. Выставка плотиков-гнездовых на огромные мелководные озера. Заготовлено 70 бревен, приобретено для посева 300 килограммов семян зерновых и бобовых для привлечения на луга серого гуся. Пока сделан самодельный инкубатор на 300 яиц. На участке уже сейчас можно осуществлять двойной сбор яиц. У фермеров своих проблем по хозяйству немало, без спонсоров нелегко «подняться», но все же они находят время для природы, ибо хотят грамотно вжиться в нее.

В пору, когда наш регион приравнен к «зоне чрезвычайной экологической ситуации», а экологические проблемы стоят подчас острее экономических, эти люди хотят не только остановить процесс разрушения и оскудения природы, но и развить процесс сохранения, воспроизводства, обогащения. Они работают по этим направлениям уже 3 года. Программа охотколлектива по воспроизводству не противоречит крестьянской программе, а дополняет ее. Здесь и такие пункты, как культивация утопанных почв путем перепашки дисковыми боронами и посадки «культурных» трав, и многое другое.

Результаты пока скромные, но все же есть. Можно увидеть за огородами хатки ондатр, спокойно плавающих диких уток, стаи лебедей в километре от работающих на земле людей. Много может человек, было бы желание. Единственное условие — это не бесконечные разговоры, вынесение решений, постановлений на бумаге, а разумный труд на земле. Труд свободных и не отчужденных от результатов своей работы и от земли людей. Это один из путей экологического оздоровления.

г. Мегион

БРОШЕННАЯ ЗЕМЛЯ

И.С. Сармаев.

Сармаев Николай Сергеевич — старожил Нижневартовска. Родился в 1904 году в селе Дубенки бывшей Симбирской губернии. Об его жизненном пути, свидетельствующем о бесспорной ценности хозяйственного опыта далекого прошлого, читатель узнает из публикуемого краткого автобиографического повествования.

В 1918 г. по случаю малоземелья и мелкополосицы мой отец переехал в Алтайский край на родзянковские земли. Наша семья — 3 брата, 2 снохи и отец с 1918 по 1921 год работала на поденщине у зажиточных крестьян, а меня отдали богатому старику и старушке на воспитание. В 1921 г. у Родзянки земли отняли и раздали жителям деревни Родзянки. Мы тоже получили землю, и мои два брата отделились и стали жить самостоятельно. А мы с братом и двумя сестренками остались жить с отцом и матерью. Как на грех, нам при дележке земли достался участок, на котором ни борозды не было пахотной земли, а только огромные пни. Когда-то каторжане валили здесь лес, копали огромные ямы и жгли древесный уголь. Люди умирали и в этих ямах их жгли. Когда мы стали корчевать пни и распахивать целину, в этих ямах угольных находили кандалы.

В 1922 году женился брат, а следом в 1923 г. — и я. В семье стало 8 человек, из них 7 — рабочие. Стали в Барнаул продавать лук, пшеницу сдавать на элеватор. Я же между домашними делами работал на железной дороге, Бийской ветке, молокосборщиком. С 1926 по 1928 год избирался председателем кассы взаимопомощи. Стап сеять пшеницу для сирот и инвалидов гражданской войны. В 1929 г. вошел в коммуну деревни Родзянки.

В 1938 г. переселился в Ханты-Мансийский округ, деревню Лекрысово, вступил в колхоз им. Куйбышева. Был избран колхозниками животноводом. В 1939-1940 гг. колхоз им. Куйбышева вышел первым в области по надою молока, резко увеличилось поголовье всех видов скота: лошадей, коров, овец, свиней. Илья Иванович Крюков и я стали инициаторами развития растениеводства. Выращивали зерновые: рожь, пшеницу, овес, ячмень и овощные культуры: картошку, капусту, морковь, свеклу, огурцы, а также табак. На Лекрысовских полях появились полусложные молотилки, зерновые веялки. В 1940 г. меня отправили в Ханты-Мансийск в окружную сельскохозяйственную школу на курсы ветфельдшеров.

В 1941 году, в августе, мы с Крюковым ушли на фронт. Крюков служил связным, я — разведчиком, командиром отделения на Северо-Западном фронте. Две похоронки за время службы пришли домой. Очень сложной была военная дорога от города Бологое до Старой Руссы. Первая похоронка пришла после боя под селом

Великим, вторая — после ранения под Большим Рамушево. До Берлина дойти не пришлось. После очередного ранения в 1943 г. демобилизовали.

Вернувшись домой, я сумел поднять народ, от старых до малых, на выращивание различных зерновых и овощных культур. В 1943 году привезли чистопородных коров холмогорских. И я стал выращивать молодняк и распределять по колхозам. Наш колхоз им. Куйбышева стал показательным семеноводческим и племенным.

В 1944 г. я и агроном Федор Александрович Жуков организовали красный обоз, решили 160 центнеров ячменя вывезти в Нижневартковский рыбколхоз. Снарядили обоз, украсили его транспарантами, лентами, плакатами: «Хлеб — Родине!», «Хлеб для разгрома немецкого фашизма».

В 1945 г. мне предложили работу председателя колхоза им. Чкалова в д. Вампугольск. Место очень сложное, дворов нет, большой падеж скота, телята и овцы в навозных помещениях, голые, съедают собственную шерсть, а овцы, когда объегнятся, съедают ягнят. Жена моя горькими слезами обливалась — зачем, мол, меня сюда затащил? На расчетном счете ни копейки и никаких ссуд от государства. Правда, лошадей было много. Именно за счет лошадей, сдачи их в аренду удалось поправить положение. Спасибо также старикам рыбакам, детям и женщинам. Они, не жалея сил, вступили в борьбу с бедностью. Хочется назвать стариков А.А. Аксенова, А.А. Захарова, не забываю я также и бывших пахарей Николая Скорнякова, Галину Высоцкую, Леонида Васильевича Пылина и Бориса Волкова. Силами этих людей колхоз им. Чкалова с 1945 по 1957 гг. вырос, как гриб, и отбросил бедность. На Вампугольских полях за Чехлоном появились крытые тока, дисковая зерновая сеялка, полусложная молотилка, две хлебожатки, веялки, плуги, бороны. Получили с 1 га пшеницы — 35 центнеров, ячменя — до 40 ц., картошки — по 350 ц. Сеяли также овес на зеленку, выращивали капусту, турнепс. В колхозы им. Чкалова и им. Куйбышева на уборку урожая приезжали учителя из Ларьяка и Нижневартовска со старшеклассниками, а также рабочие и служащие. И мне как бывшему председателю колхоза очень обидно и непонятно, почему все приходит в развал? Почему молодое поколение так быстро уничтожило все наши труды, ничего не принося взамен. Ферма в плачевном состоянии, за коровами не ухаживают должным образом, надои падают. Исчезли посевы корнеплодов, картошки, турнепса, капусты, моркови. Нет настоящего хозяина на земле и нечем скоро будет кормить народ при таком отношении к ней.

Публикация научного сотрудника
Нижневартовского краеведческого
музея Н. Демидовой.

ВАРОВАЯ ПОРА

Кроме избушки, на нашем рыбацком стане, метрах в 30 от нее был построен сарай. Бревна его стен были забраны в пазы столбов, на столбы сверху положены продольные бревна-матки. Двускатная крыша по обрешетке стропил покрывалась толстым слоем осоки.

Внутри сарая, у стен, стояли столы для разделки рыбы — у каждого промысловика свой, а в центре — ручной жернов для размола крупной соли. Делали его сами. От толстого березового ствола отпиливали два чурбака, в каждый из них с одной стороны вбивали металлические пластины, выступающие на 1,5-2,0 мм. от поверхности среза. Один чурбак прочно прикрепляли к дну специального ящика для соли, сверху на него ставили другой, с круглым сквозным отверстием, в которое засыпалась соль для помола. К верхнему чурбаку прикреплялась палка, другой конец ее крепился к стропилам крыши. От вращения верхнего деревянного жернова соль дробилась и измельчалась до размера, нужного для засолки рыбы.

В сарае хранились пустые бочки для посоленной рыбы, колташихи, различный инвентарь и другое имущество.

Вдоль берега стояли *вешала* для просушки сетей. Здесь же, у самой кромки берега росло громадное одинокое дерево-осокорь, его толщина на высоте груди человека была три обхвата. Другого такого дерева в районе Сургута никто не видел. Возможно, еще далекими предками оно было привезено откуда-то и посажено здесь. (Рис.1).

Каждый вечер примерно в пять часов рыбаки собирались на промысел. В обласа складывали сети, наплав, колья, топор, немного еды.

Нож у каждого всегда висел на поясе в специальных ножнах. Приехав в курью или сор и выбрав место, чистое от осоки или пырья, рыбаки втыкали первый кол в зарослях травы и к нему на уровне воды привязывали конец сети. Затем замачивали полотно сети в воде и двигали облас веслом так, чтобы с борта можно было левой рукой постепенно отпускать тетиву сети, прикрепляя к ней через 2,0-2,5 м. деревянный поплавок, или *наплав*. Закончив вымет сети, рыбаки втыкали в дно второй кол и к нему привязывали сеть вторым концом, а затем сюда же — новую сеть. (Рис.2)

Сети выставляли на ночь. Часов в 11-12 ночи их просматривали, выбирали рыбу, и если улов большой, отвозили ее на стан. С рассветом сети снимали. Если при первом просмотре рыбы добывали мало, промысловик возвращался на берег, разводил костер и готовил еду. Непременно составной частью этого ночного ужина была *подовушка*.

Самая подходящая рыба для приготовления подовушки — окунь и щука, за неимением таковых брали язя. С окуня и щуки чешую не счищали. Разрезали рыбу вдоль брюха, вынимали внутренности, затем от головы вдоль позвоночника разрезали рыбу на пласт. Крупных щук разрезали на 2-3 части. Из ровного и тонкого талового прута получался *рожанок*. Более толстый конец его заостряли ножом наподобие гвоздя, чтобы легко втыкался в землю у костра. Тот конец, что потолще, заострялся в виде лезвия кинжала длиной, равной ширине распластанной рыбы; он протыкал рыбу между мясом и кожей. Насаженную на рожанок рыбу подсаживали и ставили возле костра так, чтобы пламя не обжигало ее, а пекло своим жаром. Когда из рыбы выступал сок и начинал пузыриться, т. е. верхний слой ее был испечен, рыбу поворачивали к огню другой, чешуйной стороной. Как только она подсохнет — подовушка готова. (Рис. 3). В домашних условиях подовушки пекли на скорую руку в русской печи, на сковородке, подлив в нее немного воды, чтобы не пригорела.

Из язя подовушка готовилась совсем иначе. Чешуя счищалась. Спинка рыбы надрезалась неглубоко от головы до хвоста с обеих сторон, чтобы толстая мясистая часть хорошо пропеклась. Тонкий шомполообразный конец рожанка пропускался через рот и жабры вдоль позвоночника до мышц хвоста.

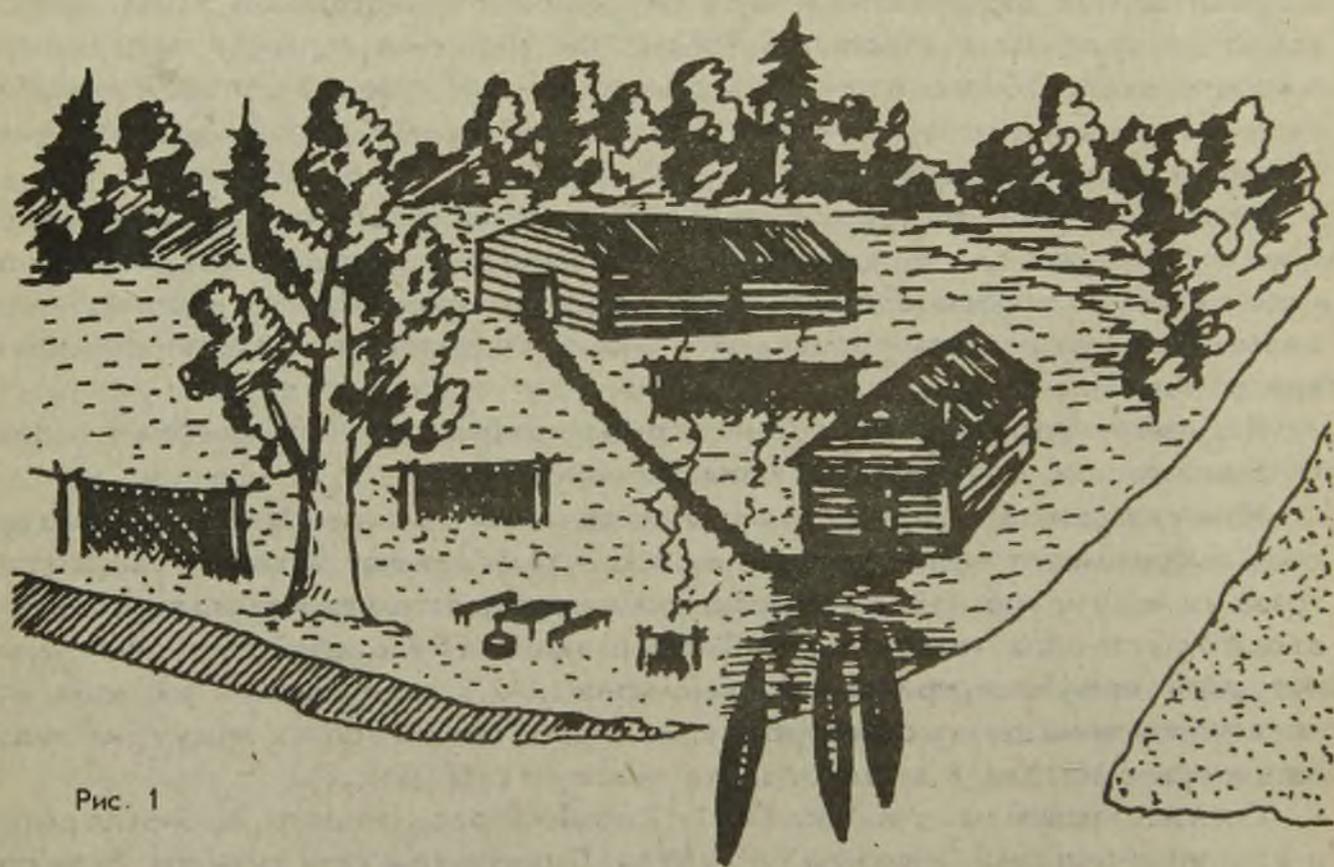

Рис. 1

Июль в наших местах Среднеобья раньше всегда был безоблачный, солнечный, жаркий, поэтому с восходом солнца рыбаки снимали сети и спешили вернуться к стану — побыстрее перенести улов в сарай, спрятать от солнца. Сарай был своего рода цехом обработки рыбы. Под столами настилали нетолстым слоем свежескошенную траву, на которой помещалась рыба, сверху она покрывалась таким же слоем, что сохраняло прохладу и предохраняло от мух. Затем спешили развешать сети на *вешалах* для просушки и очистки от травы, водорослей и другого сора. Обычно эту работу выполняли дети. Нам, детям рыбаков, рано пришлось постигать рыбацкую науку, а также выполнять много разных второстепенных хозяйственных работ: чинить сети, наматывать нитки на деревянные иглы, варить уху, печь подовушки, кипятить чай, укладывать все необходимое в облас перед выездом на рыбалку, выкуривать комаров из избушки и сарая, чтобы взрослым легче было работать, а потом можно было спокойно поспать 4 — 5 часов в сутки под пологом. Курево разводили в стареньком ведерке. На дне его поджигали бересто, сверху подкладывали сухие тонкие сучья, и когда все это хорошо разгоралось, добавляли толстый слой сухого конского помета, который долгое время не воспламенялся и хорошо дымил, выгоняя комаров и оводов из избушки. А во время ночного промысла рыбаки спасались от комаров, покрывая голову платком, концы которого завязывали под подбородком. Поверх платка надевали картуз.

Разделка рыбы для стопового посола.

В сарае у каждого рыбака на столе стоял таз и рядом на земле — ведро. Распоров брюхо язя, он вынимал внутренности; икру, молоки, плавательный пузырь и внутренний жир клал в таз, а все остальное, кроме желчного пузыря — в ведро. Затем вдоль позвоночника от головы до хвоста разрезал рыбу на пласт и поворотом острия ножа разрезал надвое голову.

После разделки всего ночного улова приступали к посолу. Горстка соли равномерно рассыпалась от головы до хвоста, закладывалась соль также с обеих сторон в жабры. Затем обе половины тушки соединяли и укладывали рыбу плотно в деревянные бочки. Каждый слой дополнительно слегка засыпался солью. Примерно через двое суток в бочке сверху появлялся рассол, и рыбу придавливали гнетом. В таком положении она хорошо просаливалась за 6 — 7 суток, после чего в этом же рассоле с нее смывали нерастворившуюся соль и укладывали рыбу на чистые доски стопками крестообразно.

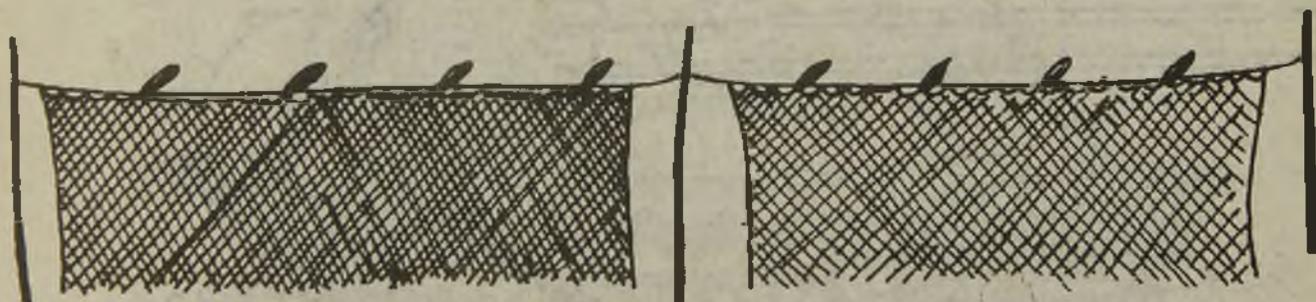

Рис. 2

 - ДЕРЕВЯННЫЙ НАПЛАВ

Закончив засолку и пообедав, рыбаки укладывались в полога для сна, а дети в это время должны были из внутренностей приготовить варку и вытопить жир. Для этого в прибойной части береговой полосы копали углубление шириной до 30 см., длиной — 70-75 и глубиной — 30. Посреди него ставилась колташиха (большой чугунный котел круглой формы с двумя ушками, за которые его можно поднимать) и в нее из таза сливали внутренности — икру, молоки, плавательный пузырь и внутренний жир с добавлением небольшого количества филе. Под колташихой разводили небольшой костер; чтобы ее содержимое не пригорало, нужно было регулярно помешивать деревянной лопаткой с длинным черенком. Готовится варка долго. Когда плавательные пузыри скручиваются и становятся коричневыми, а все содержимое колташихи начинает подыматься и пениться, значит варка готова. Огонь из-под котла убирается, варка постепенно остывает, а затем раскладывается по небольшим деревянным кадочкам и хранится в сарае в земляной ямке.

Одновременно с варкой в такой же колташихе, только заполненной кишечниками рыб, залитыми сверху на 10 — 15 см. водой, вытапливается жир. На малом огне вода нагревается до 80 — 90 градусов, и при этой температуре жир постепенно отделяется и скапливается на поверхности, а содержимое кишок и они сами оседают на дне. Своды жир осторожно снимается ложкой и сливается в стеклянную четверть, закрывается пробкой и ставится в земляную яму. Яма закрывается крышкой и брезентом.

С обмелением курей и соров рыба скатывалась в реку, и варовая пора заканчивалась. Рыбаки укладывали стопки соленой рыбы в лодки и перевозили в город, где сдавали в кооператив по государственным расценкам. На полученные деньги здесь же закупали муку, крупу, сахар, чай, нитки, инструмент, кухонную посуду и другие нужные в хозяйстве товары.

По приезде домой варку и рыбий жир для сохранения их пищевых качеств помещали в погреба. Варка считалась деликатесом, ее ели с хлебом и чаем обыкновенно во время постов. Рыбий жир использовался при поджарке картофеля, рыбы, пекли на нем блины, оладьи, а также применяли как лекарство — лечили детей от золотухи, смазывали кожу рук и т. д.

А.Кузнецов

Рис. Н.Гордеева

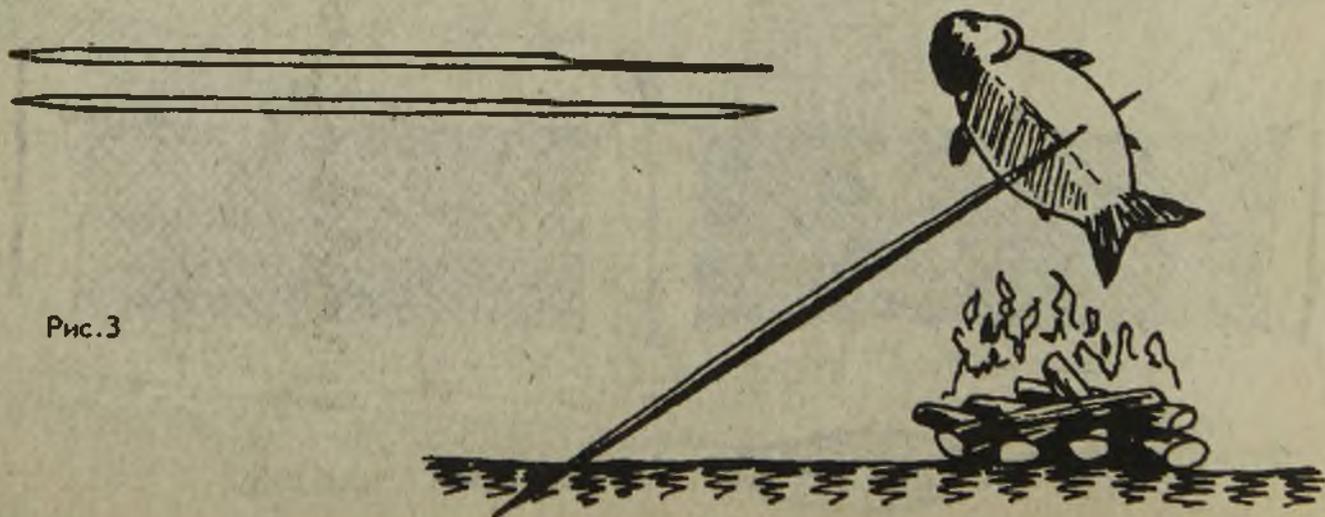

Рис. 3

Изготовление коробочки из пихтовой коры

Ханты очень много предметов домашнего обихода изготавливают из природного материала. Для хранения своих рукодельных принадлежностей женщины шьют коробочки из пихтовой коры.

Кора пихты легко сдирается, эластична, не требует особой обработки. На светлой стороне коры удобно орнаментировать. Предметы, хранящиеся в этих коробках, не помнутся, не сломаются. Женщины, выезжая на места промыслов, всегда берут коробку с собой. Каждая женщина имеет по нескольку таких коробок различной величины.

Девочки очень рано обучаются изготовлению собственных коробок для хранения индивидуальных рукодельных принадлежностей и игрушек.

Весной, когда начинают отходить от зимних холодов деревья, хантыйские женщины заготавливают пихтовую кору для поделок.

Заготовка пихтовой коры производится весной потому, что белая внутренняя сторона коры в это время не краснеет и не темнеет, она сочная, гладкая, легко отделяется от древесины.

Делается надрез коры вдоль и вокруг ствола нужной высоты. При этом выбирается часть ствола пихты без сучьев, гладкая. Затем осторожно сдирают кору с древесины, свертывают в рулон. Обработку коры производят в тот же день, иначе она быстро высохнет и загрубеет. Ножом кору очищают от серы, мха, неровностей, закручивают светлой стороной наружу и сшивают сухожильной ниткой. С внутренней стороны сверху и снизу подшивают подклад из бересты для прочности. Подклад подшивается белой внешней стороной вовнутрь.

Для удержания формы сверху пришивается швом через край черемуховый обруч с корой, ниже — очищенный от коры, затем на расстоянии 1-1,5 см. — другой очищенный от коры обруч. А между ними подкладывается вырезанная черная береста. Так подшивается коробка и снизу. Черемуховым обручем соединяется коробка с берестяным дном. Дно, как и крышка, делается двойным и из бересты.

Средняя — широкая часть коробки украшается национальным орнаментом, выполненным акварельными красками. Прежде это были природные краски (из коры лиственницы, краснотала или чаги). Низ крышки обшивается через край черемуховым обручем несколько меньшего размера, чем сама крышка.

Она подвязывается завязками из ткани или мягкой кожи. Во внутренней (нижней) части крышки делается надрез для хранения гребня или индивидуального музыкального инструмента, сделанного из ребра оленя. Иногда крышка делается накладной.

Орнаменты на коробке подбираются более сложные, они обычно отличаются от орнаментов другого назначения. В таких коробках женщины хранят нитки, наперстки, иголки, бисер, бусы, различные остатки меха и ткани.

Делаются для хранения рукодельных принадлежностей и берестяные коробки. Их изготовление аналогично пихтовым. Но рисунок, орнамент делается техникой процарапывания.

Юганские хантыйские женщины предпочитают пихтовые коробки. Открывая такую коробку, всегда чувствуешь аромат пихты и свежесть леса.

А. Тахтуева

На рисунках:

1. Коробка из пихтовой коры.
2. Берестяная коробка, орнаментированная техникой процарапывания.

ИГРЫ СУРГУТСКИХ ХАНТОВ

В Екатеринбургском Уральским пединститутом и Сургутским районным отделом народного образования выпущена тиражом всего в 300 экземпляров книга В.И. Прокопенко, В.П. Красильникова, Т.Л. Мишкель и В.В. Прокопенко «Традиционные средства физического воспитания сургутских хантов. Пособие для учителей.» Написано пособие на основе собранных авторами полевых материалов. В нем даны описания около 60 игр, в том числе подвижных игр, силовых единоборств и самобытных физических упражнений, настольных игр и игр девочек, традиционных состязаний и современных национальных видов спорта.

Приоткрываем любознательному читателю содержание книги, о котором он может составить представление по двум публикуемым ниже описаниям.

Заячы следы (Чевэр лэк)

Игра проводится в любое время года: летом — на песке, зимой — на снегу. Участвуют дети и подростки. Количество участников произвольное. Дистанция для прыжков определяется перед игрой по договоренности между участвующими.

Игра способствует развитию силы ног, прыгучести, координации движения, ловкости.

ОПИСАНИЕ. Перед игрой на снегу или на песке делают отметки, которые обозначают «следы зайца» (рис. 1), расстояние между которыми устанавливается в зависимости от пола, возраста играющих, их физической подготовленности. Один из игроков становится в первый «след зайца», т.е. принимает исходное положение — стоя ноги врозь, оттолкнувшись двумя ногами, старается точно приземлиться в следующий «след», но только уже на одну ногу. Далее, оттолкнувшись этой ногой, приземляется на две ноги в следующий «след» и т.д. Таким способом и в таком порядке приземления он должен преодолеть все расстояние, стараясь точно попасть в «следы зайца». После того как первый участник преодолел всю дистанцию, в игру вступает следующий игрок. Победителем становится тот, кто точнее всех прыгнет по «следам зайца».

Часто игра усложнялась и продолжалась дальше — увеличивалось расстояние между «следами», изменялось их направление (таким образом «следы зайца» запутывались) и т.д. Расположение следов зависит от фантазии участников игры.

После оттапкивания двумя ногами разрешается приземляться в «след» на любую ногу.

Бег по-медвежьи (Пупи нэвэр)

Эта игра-соревнование проводится в любое время года. Возрастного ограничения для участников в ней нет, однако в этой самобытной игре — состязании участвует только мужское население — от мальчиков 5-6 лет до преклонных стариков. Количество играющих не ограничивалось. Дистанция «бега» произвольная и обговаривается между участниками до начала игры.

Бег «по-медвежьи» развивает силу рук и ног, координацию движений, ловкость, спортивную выносливость, способствует воспитанию воли, настойчивости.

ОПИСАНИЕ. Перед началом игры-соревнования в начале и в конце дистанции проводятся линии старта и финиша. Все участники располагаются вдоль стартовой линии, принимая исходное положение — стоя на четвереньках (рис. 2). По команде голосом (судьи), начинается бег «по-медвежьи», который выполняется так: оттолкнувшись двумя руками, подтягивают ноги к груди и приземляются на обе ноги, одновременно выставляя как можно дальше руки. Победителем становится участник, «прибежавший» таким способом к финишу первым.

Вариант 2. Дистанция не ограничивается, побеждает тот, кто «по-медвежьи» пробежит большее расстояние.

О ГЕРОЕ РЕВОЛЮЦИИ ТРОЦКОМ И ГРАЖДАНИНЕ ИЗ ГОРОДА БЕРЕЗОВО ПО ФАМИЛИИ КОРОВЬИ-НОЖКИ

Каких только знаменитых ссыльных не видел город Березов за 400 лет. Начиная с боярина князя Дмитрия Ромодановского, светлейшего князя Меншикова, князей Долгоруких, графа Остермана и пр. И всех жалели, всем сочувствовали отзывчивые березовцы. Что в XVIII-ом веке, что в XIX-ом, в XX-ом тоже.

Тем более, что самый «знаменитый» ссыльный «осчастливил» Березов своим пребыванием именно в XX-ом веке. Никто иной, как будущий «вождь» всех революционных вооруженных сил большевистской власти Лев Давыдович Троцкий (Бронштейн).

А теперь информация из «органа социалистической мысли», газеты «Тобольское народное слово» за февраль 1919 года.

«Нам сообщают из Березова, что недавно там был арестован, по доносу добровольцев, гражданин Коровьи-Ножки, только за то, что принимал участие в бегстве Бронштейна-Троцкого из березовской ссылки в 1907 году. Вскоре, по сношению с Тобольском, его выпустили, но семья и несчастная жертва бескорыстной привязанности к «борцу за свободу» вновь пережили тяжелые минуты.

Как известно, товарищ Троцкий удачно бежал за границу вскоре по прибытии в Березов, благодаря гуманному отношению местной администрации и содействию таких бескорыстных мест-

ных людей, как гражданин Коровьи-Ножки, привыкших относиться с каким-то благоговением к деятелям революции. По прибытии в безопасное место Троцкий рассказал печатно подробно о своем генеральском путешествии, очень прозрачно описав лиц, содействовавших побегу. Так Коровьи-Ножки оказался в тюрьме при царской власти. Суд приговорил его к возможно легкому наказанию.

И мог ли гражданин Коровьи-Ножки думать, что через более чем десятилетнюю давность при «свободной» жизни он вновь будет подвергнут испытаниям за свою любовь к деятелям революции. Но тогда нужно быть последовательным и привлечь к уголовной ответственности и нынешнего управляющего Тобольской губернией, бывшего адвоката В.Н. Пигнатти, защищавшего когда-то на суде гражданина Коровьи-Ножки и способствовавшего смягчению его участи».

В 1919 году, до разгона адмиралом Колчаком, Сибирью правило из Омска теперь уже подзабытое, правозащитное «народное» правительство. Именно от него пострадал отзывчивый, возлюбивший революцию и революционеров гражданин Коровьи-Ножки.

Интересно, что стало с ним в еще более «свободные» времена, после того, как товарища Бронштейна оттеснил от власти товарищ Джугашвили?

РОМАНОВЫ В ТОБОЛЬСКЕ

В.Г. Балин

По интересу с юных лет ко всяким событиям, могущим иметь какое-либо значение, моя память четко сохраняет некоторые моменты давно минувших дней, свидетелем которых мне удалось быть.

Как известно, решением временного правительства России бывший император со своей семьей был направлен в ссылку в г. Тобольск, куда он и прибыл в один из августовских дней 1917 г. на пароходе «Русь». Из-за неподготовленности помещения для семьи и с целью перевоза ее с пристани в более позднее вечернее время во избежание огласки пароход был поставлен на якорь против города, на середине Иртыша. Нам, трем-четырем подросткам-гимназистам, совершавшим прогулку на лодке, показалась странной необычная стоянка пассажирского парохода на якорях вдали от пристани. Заинтересовавшись, мы подплыли ближе, и нам удалось, несмотря на окрики охраны, несколько раз обогнуть пароход и увидеть таинственных пассажиров, рассматривавших в открытые окна окрестности города, и бегавшего по палубе и, как нам показалось, подававшего нам какие-то знаки подростка примерно наших лет. Он немного прихрамывал. Мы единодушно признали в нем наследника Алексея.

Поздним вечером Романовы были перевезены на берег, а затем, под усиленной охраной — в дом бывшего губернатора, расположенный невдалеке от пристани на улице Свободы (теперь ул. Мира). Здесь они занимали вместе с обслуживающим персоналом два этажа и верхний третий полуэтаж. Проход публики возле дома был воспрещен. Многочисленная охрана располагалась напротив в доме бывшего купца Корнилова.

Губернаторский дом в то время имел довольно внушительный вид. Коридорная система имела несколько удобных комнат. Мне пришлось в последующем, с 1921 по 1927 год, работать на небольших канцелярских должностях в размещенном здесь Обь-Иртышском рыбопромышленном тресте («Обьгосрыбтрест»). В 1918-1920 гг. здесь находилась инфекционная больница госпитального типа. Через застекленный подъезд дома вход во второй этаж вел по широкой парадной лестнице к кабинету губернатора, рядом с которым располагался большой зал. Далее по коридору — несколько комнат направо и налево. В 60-70 г.г. внутри здания была произведена перепланировка с целью оборудования более удобных кабинетов, и в нем находились руководящие органы города. Были убраны главный подъезд и балкон, выходивший на бывшую Благовещенскую площадь, ведущую к пристани. Надо отметить, что во время пребывания здесь Романовых эта площадь была перегорожена деревянным забором от здания до городского сквера (погибшего в 1941 г. в период наводнения). За этим забором на образовавшейся площадке были организованы игры и другие зимние развлечения.

По решению ЮНЕСКО 1993 год объявлен Международным годом памяти последнего российского императора Николая II. С этим годом связаны две даты: 125-летие со дня рождения (6 мая 1868 г.) и 75-летие со дня трагической гибели (ночь с 16 на 17 июля 1918 г.)

Справедливости ради надо отметить некоторую свободу, разрешаемую Романовым в дни ссылки. Часто проходящим по противоположной стороне улицы можно было видеть в открытых или незанавешенных окнах всех членов семьи, особенно молодых, хотя останавливаться не разрешалось. Нередко в солнечные утренние часы мы видели бывшего царя на балконе застекленного подъезда (теперь несуществующего) читающим газету. В дни церковного богослужения вся семья посещала расположенную неподалеку Благовещенскую церковь (не сохранившуюся). Маршрут следования семьи в церковь пролегал от дома через площадь, городской сквер и через улицу прямо к церкви. Настоятелем церкви и, по существу, духовником семьи являлся священник Алексей Васильев.

Совершенно естественно, что к месту ссылки Романовых было приковано огромное внимание. Тобольск в то время зажил бурной, беспокойной жизнью. В нем концентрировалось большое число монархистски настроенной публики как среди горожан, так и среди приезжих. Среди местных, пожалуй, особо выделялся тобольский епископ Гермоген (Долганов). Это, несомненно, сократило время пребывания Романовых в Тобольске.

В глубокую весеннюю распутицу, в конце апреля 1918 года вся семья вместе с обслуживающим персоналом была вывезена из Тобольска по Тюменскому тракту. При этом следует отметить, что переезд их в сопровождении усиленной охраны в условиях весенней распутицы (на лошадях) создавал определенные трудности. Рассказывают, что в пути следования через село Покровское, родину Распутина, было изъявлено желание посетить дом, принадлежавший ему. Но оно руководством не было удовлетворено. Надо сказать, что дом этот своим видом и размерами (в нем несколько лет размещались школа и детский садик) значительно выделялся среди других строений села.

Хотел бы обратить внимание на неточности некоторых газетных публикаций. Царевич Алексей не был, как утверждается, оставлен в Тобольске и тем более расстрелян вместе с епископом Гермогеном. Об этом нет никаких данных, не было даже слухов, обычно во множестве распространявшихся в то время среди обывателей Тобольска. На самом деле красные соединения, поспешно отступая из Тобольска в июне 1918 года, увезли с собой находившегося под арестом Гермогена и где-то в районе села Иевлево утопили в Тоболе. Вскоре, с приходом белогвардейских частей, тело епископа было извлечено из воды и доставлено в Тобольск для захоронения.

Мне как учащемуся Тобольской гимназии пришлось в организованном порядке присутствовать на торжественном богослужении (отпевании) в кафедральном соборе. Рядом с гробом епископа на отдельном возвышении находился камень (обыкновенный булыжник значительного веса) с веревкой, которой было перевязано тело утопленного. Гроб после отпевания был опущен в могилу, приготовленную в приделе летнего собора, возле правой стороны, прилегающей к собору. Позднее в этом приделе находилась картинная галерея как филиал музея-заповедника.

Из дневников

19.11.1939 г. С января совершил несколько выездов в район. Был в Ванзетуре, Шайтанке, Устреме. С 4.11 ездил в Шухтунгорт, вернулся только сегодня. Эта последняя поездка может быть названа «Новые Колумбы». Выехали вместе со следователем Лазаревым и решили сэкономить путь, скорее приехать к месту назначения. Поэтому, добравшись до Анеева уже известным путем, на лошадях, дальше решили отправиться на оленях, через тайгу, болота и соры. Наш проводник уверил нас, что на следующий день, к вечеру, мы будем в Шухтунгорте. Едем. За первый день проехали км.50 и заночевали в охотничьей избушке. Устроились отлично. Срубил я большущее, совершенно сухое дерево и дров было более чем достаточно. Днем Лазарев убил глухаря, и мы приготовили отличный ужин. Ночевали хорошо, а утром поехали дальше. Оказалось, что дороги нет совсем. Едем, едем и попадаем в такую чащу, что с большим трудом выбираемся. Два раза ломали нарты. Но был топор, чиним. Починимся и опять едем дальше. Глубина снега большая. Олени идут с трудом и был случай, когда они совсем утонули в снегу. Кое-как выбрались из этого места. Заехали на речку, но не проехали и 30 м., как два оленя провалились в воду. Лед, оказывается, не держит... Скорее на берег, в лес и ночевать. Ночевали под елкой. Утром дальше тронулись. Не прошло и часа езды, как один из оленей стал ложиться. Принимаем все меры к тому, чтобы он шел. Но олень пройдет минут 15-20 и ложится снова. Наконец, лег совсем. Пришлось положить его на нарту и двигаться иным порядком. Мне пришлось идти пешком, а глубина по пояс. Нет сил. Наконец, добрались до леса, в котором есть мох. Оставили оленя. Поехали дальше. Через час остальные олени стали уставать и ложиться. Снова пришлось ночевать под елкой. Это была уже третья ночь в лесу. Наутро проводник объявляет, что уж сегодня обязательно доберемся до места и потому нет необходимости тащить лишний груз, в частности, ведро. Ведро оставляем в лесу. Едва ли проехали дальше 10 км., как олени стали совсем. А у нас нет хлеба и нет посуды, в которой можно приготовить хотя бы теплую воду или растаять снег. Что делать? Остались опять ночевать, а проводник отправился искать ближайшие юрты. Ушел он в 6 часов вечера, мы решили поужинать. Лазарев вновь убил глухаря и пришлось есть... сырое мясо. Было еще в резерве несколько мороженых щучек, пришлось их съесть и заедать снежком. Так поужинали и легли спать. В 2 часа ночи вернулся наш проводник с победой: достал лыжи, буханку хлеба, котелок и охотничью нарту. Мы ожили и надо признаться, что никогда мороженный, черный и сырой хлеб не казался мне столь изысканным лакомством. Попировали и в путь. А олени не могут идти с нартой. Пришлось запрягаться самим, тащить оленей до мхов за нартой. Тащили их км. 3-4. Наконец, добрались до лесу. Оленей оставили, сами пошли дальше. Только часам к 10-11 вечера добрались до человеческого жилья. Выпил 16 стаканов чая! Уже на лошадях мы добрались до Шухтунгорта.

Обратно ехали по реке уже без приключений, единственное чудо: место с громким названием «Сарагорт», а живет в нем одна женщина с маленькими детьми. Живет и не скучает. И в одну сторону на 35, а в другую — на 50 км. нет никакого человеческого жилья.

5.11.39. В очередном письме в облздрав И.Ф. Гладкий пишет о необходимости создания аптек при всех медпунктах района, об обеспечении литературой врачей и создании курсов повышения квалификации медперсонала, особенно — фельдшеров.

23 марта 39 г. По радиопередачам знаем, что XVIII съезд партии закончился. Доклад Жданова известен по радио. Он заявил, что при исключениях из партии было много ошибок и само исключение было одним из методов вредительства. Этот метод особенно был распространен в 1937 году. Так оно и было. Свое исключение из партии я могу объяснить лишь как вредительство, направленное не только против меня, но и партии, органической частью которой я являлся. Ведь удивительное дело: был все время «партийным золотом», так считала меня всегда партийная группа, и вдруг исключение. Написал я заявление партсъезду, заявление дошло. Что будет дальше — будем ждать.

В письме к другу (Соколову В.А., который, в отличие от других, дружбы с ним не порывал и поддерживал до конца дней. — Е.Б.) И.Ф. Гладкий сообщает, что по Березову ходит с поднятой головой, так как каждый здоровается и кланяется, даже дети. Все было бы хорошо, если... Даже желание съездить повысить квалификацию неосуществимо: ссыльный... «Верю, что будь я в Ленинграде или Москве, то несомненно добился полной реабилитации, но так как я в Березово, это сделать трудно».

В письме к Яхнину (облздрав) пишет об улучшении водоснабжения в Березове. «Воды кругом Березова чрезвычайно много и, как ни странно, вода очень дорога. Воду приходится доставлять с реки и особенно это трудно сделать в весеннюю и осеннюю бездорожицу. Возчику доставить чистую воду из-за «няши» трудно, и он берет воду у самого берега вместе с илом. Такую воду мы пьем. В результате много поносов и дизентерии. Несомненно, что вода — один из источников инфекции. Почему не строят на севере колодец? Наличие вечной мерзлоты опровергается примером Ванзетура, где колодцы есть». Экономически доказывает выгодность постройки колодцев. В мае 1939 г. впервые за два трудных года пошел в отпуск... Писал статьи в местные газеты об использовании овощей, о туляремии, ходил на вызовы к больным.

На 4 дня ездил за 15 км. от Березова на реку Вогулку к старику Батманову. Старик Батманов — совсем одинокий человек, у него полуразвалившаяся избушка, лошадь и пара собак. Лошадь и собак он любит значительно больше, чем людей, и Березов, хотя и небольшой поселок, теперь не может из-за многолюдья. Приезжает сюда только по крайней необходимости.

Из письма к В.А. Соколову от 28.V.39г.: «Березов в своем роде удивительное место. Я объехал всю Европейскую часть СССР, был в Крыму, на Кавказе, но такого своеобразия и богатства природы, как здесь, нигде не видел. Это своеобразие в значительной мере и однообразно, но мне, любителю воды и леса, очень нравится. Воды здесь — моря. Даже Вогулка, этот маленький приток, сейчас разлилась, как Двина в половодье. А Сосьва и Обь? Если посмотреть сейчас с Березовской горы, хотя бы от церкви, место которой Вы знаете, то впереди —

только вода и небольшие, незалитые водой полоски земли. До противоположного берега, на котором находится поселок Полноват, около 70 км., и все это залито водой. Вот это река! Север восхищает, удивляет, если бы не «пришибленность» паспортом...

Организация здравоохранения, на мой взгляд, сейчас переживает определенный кризис. Везде говорят о специалистах и специальностях. Человека делят на части и считают полезным лечить эти части в надежде, что сам человек будет благодаря этому чувствовать себя лучше. Я всегда держался противоположного взгляда: лечить прежде всего человека, не болезнь, а больного, идти от общего к частному. Но обстановка заставляла и меня заниматься частностями, а не общими вопросами. Здесь, в Березове, я со всей остротой увидел, что нам еще долго нужен будет тип общего поликлинического врача. Те, которые говорят о необходимости только узких специальностей, забывают, что на свете существуют не только Ленинград и Москва, но и много таких пунктов, как Березов, где насадить 10-15 специалистов просто невозможно... Здесь нужен общий врач, о подготовке которого теперь забывают или даже игнорируют. Вот в этом я и вижу кризис. Именно жизнь — великий учитель.

Здесь, конечно, я не напишу ученых работ, но достаточно грамотным в вопросах диагностики, патогенеза и лечения могут стать и здесь. Секрет, по моему, в одном: не зазнаваться, постоянно считать себя на положении студента, так сказать, куратора у постели больного, наблюдать, изучать, лечить, проверять себя и читать. Вот только беда с новой медицинской литературой...

Много надежды возлагалось на XVIII съезд партии, но времени после его окончания прошло много, а перспектив пока никаких. Таких, как я, здесь много и все мечтают. Вероятно, мечтателями и останутся. Я уже и мечтать перестал. Устал. Но как хочется, хоть изредка, побывать в больших городах и повидать своих друзей, побеседовать с ними не только в письмах...

У меня «сумасшедшая» идея поставить вопрос об организации курорта около Березова, на Вогулке. Там есть прекрасные кедровые леса, есть и источники. Как только будет поменьше воды в Вогулке, съезжу к этим источникам, возьму пробы воды и пошлю на анализ. Если анализ даст хорошие результаты, непременно поставлю вопрос об организации курорта здесь».

1 августа 1939 г.

Завтра наш двухлетний юбилей — два года жизни в Березове. Живем все еще без паспортов и без реабилитации. Без реабилитации формальной. Фактически я давно уже реабилитировался своей работой... Оказана помощь не одной тысяче людей, надеюсь, что есть довольно много людей, которые живут на белом свете благодаря моим усилиям, заботам и волнениям. Морально я удовлетворен, но юридически я все еще бесправный гражданин. Много пережито за последние два года. Пережито резкое недоверие, безработица, тяжелейшие бытовые условия, открытое шельмование, шушуканье за каждым углом. Теперь этого всего уже нет. За два последних года я, пожалуй, нашел себя. До Березова я был чистой марки профилактиком с административным уклоном. Теперь я переключился на больного и нахожу для себя значительно больше удовлетворения в работе. Я отдыхаю на работе и работаю с увлечением. У меня не хватает времени. Выходные дни — для других. 6-часовой день только юридически, фактически для врача он 10-12, а иногда и 15 часов.

Сентябрь 1939 г.

Читаю лекции допризывникам по просьбе райздрави и РК ВЛКСМ. В Европе не покойно. Судя по газетам, там военная лихорадка достигает апогея. Надо на днях ждать войны...

26.X. Только что приехал из Пашторских юрт. Уехал туда 21.X. Попадать в юрты было очень трудно. Через Сосьву по льду переехали на другую сторону реки, а там до Вайсовой тащили лодку на себе. По Вайсовой поехали бечевой и на веслах, а я пешком и всю дорогу до юрт (40 км) пришлось брести снегом. В юртах лечил раненую девочку Лелехову и принял 70 больных. Из этих 70 32 трахоматозных! Жуть берет. Все население юрт заражено трахомой. Буду писать докладную записку в райздрави и настаивать на посылке в юрты, по крайней мере на месяц, медсестры или фельдшера.

16.XI. Девочка Лелехова, которую я ездил спасать в Пашторские юрты, лежала в больнице и выписалась в хорошем состоянии. Уже ходит в школу. Очень рад. Она живет на свете в значительной степени благодаря мне, хоть этим я могу быть морально удовлетворен. 17.IX газета «ЗБК» поместила мою статью о необходимости внедрять в быт и в привычки людей санитарную культуру. Буду удовлетворен, если хоть половина медработников, учителей и избачей прочтает эту статью и будет хоть сколько-нибудь осуществлять в своем быту и в своей работе основные принципы санитарной культуры.

Какие очередные задачи медработы в Березове? В первую очередь, по-моему, они таковы: 1. Ликвидировать трахому. 2. Приступить к ликвидации туберкулеза. 3. Ликвидировать кожные болезни. 4. Всерьез изучить причины развития описторхоза. Найти методы лечения этой тяжелой болезни. 5. При больнице поставить, наконец, дез. камеру. 6. Оборудовать амбулаторию. 7. Иметь стационарное отделение.

В частности, как вылечить трахому? Трахома — болезнь заразная и, вероятно, не менее, чем туберкулез. Необходимо ликвидировать первопричины этой болезни. Надо иметь 2-3 глазных фельдшеров и специальный стационар. Фельдшеров надо держать в юртах, наиболее пораженных трахомой, все время, пока болезнь не будет ликвидирована. В это же время вести активную просветительную работу о сути этой болезни среди населения. Больных надо не только лечить, но и учить. Труднее с туберкулезом, но бороться надо. Врачу необходимо наблюдать за санитарным состоянием жилищ больных и всячески помогать в улучшении условий труда и быта.

20.XII. Только что вернулся из поездки на реку Вогулку, к вогулам. Удивительно, но в ряде жилищ еще ледяные окна (вместо стекол). И людям нравится их жизнь. С величайшим трудом уговариваешь ехать в больницу, где чистая кровать, и белье, и питание. Предпочитают оставаться дома. И в этих условиях есть долгожители. Спрашиваю у старика (на вид лет не меньше 80) о женщине на нартах. «Это моя мама...» Значит, ей около или не менее 100 лет. Как будут дальше жить эти люди? Охота становится труднее, дичи и рыбы все меньше, а народ живет только этим. Рассчитывать на эти средства существования на длительное время нельзя. Надо думать о жизни этих малых народностей.

Публикация Е.И. Бородихиной.

ПАНТРАШКИНА

Николай Калымов

Так называлась моя родная деревня, принадлежавшая к Лаушинскому сельскому Совету Кондинского района. Стояла она на берегу одноименной речки, впадающей в Конду возле бывшей деревни Турсунка.

Мой отец Калымов Леонтий Иванович (1875-1941гг.) — манси, коренной житель этих мест — был неграмотным, как и дед по отцу Иван Антонович и его брат Андрей Антонович. Родители моей матери Елизаветы Афанасьевны (1899-1955) — также манси. Дед отца Антон Егорович родился в этой же деревне, по моим предположениям, в первой половине прошлого века. О том, что наша деревня существовала, по-видимому, не одну сотню лет, можно было судить по сгнившим надгробьям деревенского кладбища.

В 1931 году в деревне было девять домов и жили девять семей: шесть мансийских и три русских. Это были, кроме нашей, семья брата отца Семена Ивановича Калымова, его двоюродного брата Григория Андреевича Калымова, Николая Фомича и Аркадия Васильевича Калымовых, Павла Тимофеевича Елушкина, Федора Галактионовича Свяжина, Иосифа Павловича и Михаила Иосифовича Соболевых.

Калымов Никопай Леонтьевич (род. в 1931г.) в 1945-49 гг., подростком, работал рыбаком в колхозе, потом, после окончания специальных курсов — счетоводом (1949-52 гг.), а после службы в армии — бухгалтером. Пенсионер. Живет в Кондинском.

Деревня находилась на левом берегу речки на небольшом боришке (островке); кругом — болото и только по берегу вниз от деревни можно было сухой ногой пройти 2-3 км, а дальше начинались болотные ручьи и ручейки. По-мансийски называлась она Нехым Павыл (перевода не знаю), а русское название получила от мужского имени Панкратий (Пантрашка). Не зря на картах этих мест раньше деревня была нанесена как Панкраткина.

Старыми зимними дорогами она соединялась с деревнями Турпалы, Запор, Кипавла, Юмас и Токлован, стояла как бы на перекрестке. Самой ближней деревней была Кипавла. В летнее время был единственный путь — водный: до Конды по течению без перетасков и переходов через Пантрашинский, Кипавлинский и Юмасинский туманы, речку Сосновку и озеро Турсунское, да пешком по болотам и борам на Токлован, в осиновке (маленькой лодке-долбленке) и пешком в Юмас и Кипавлу, вверх по речке до Панкутала и Елушкиной.

В старое время наши родители и деды ездили в гости в эти деревни, да и мы с отцом и матерью бывали по этому пути и зимой, и летом как в Панкутале, так и в Елушкиной, потому что там жили мои тетки, сестры отца. Мать же была родом из деревни Ленгурья, что почти на полпути между д.д. Турпалы и Елушкина по зимней дороге. Здесь и летний путь был хорош: в половодье лодками, а в маловодье пешком можно было добраться из Ленгурьи до обеих соседних деревень и не приходилось брести болотами и вязнуть в них до развила своих ног. А вот из Пантрашкиной в Турпалы летом пройти или проехать прямым путем было нельзя, т.к. на пути — озера, ключи, речушки и непроходимые болота, здесь даже лесные звери не имели своих троп. Если кому-то надо было пробраться из Пантрашкиной в д. Турпалы или близлежащие деревушки в летнее время, то приходилось подниматься по Пантрашкиной речке до Панкутальского или Елушинского перетаска, тащить через него свой груз и лодку, а потом или плыть дальше вверх по речке, или выезжать на Конду и грести по ней против течения до устья Тапа и еще 40 км. по речкам и озерам до д. Турпалы.

Местное население в то время и в русского бога верило, и молилось своему вогульскому богу-шайтану. Были заверованы места, построены маленькие амбары — в них приносили пожертвования, кто что мог. А в Покров день (14 октября) перед шайтанским амбаром обязательно кто-то забьет какую-то скотину или курицу; а если нет домашнего скота и птицы, мужчина в песу убьет рябчика, или косача, или зайца, или еще кого-нибудь, но с голыми, не окровавленными руками домой не придет.

К этому времени медведь уже ложился в берлогу, и если охотник-манси наткнется на нее, то заломит ветки и уходит, чтобы потом прийти сюда с товарищами и застрелить зверя. Когда возвращались с удачной охоты, то перед деревней стреляли в воздух и выкрикивали: «Вый! Выяк!» (зверь, зверина). Пришли домой — разворачивайся жена, корми мужчин-охотников и давай выпить (с собой на охоту или рыбалку винного никогда ничего не брали). И обязательно шли к шайтанскому амбару. А когда домой привозили мясо и шкуру медведя, все мужчины от мала до велика шли смотреть лесные трофеи и приводили на привязи своих собак, чтобы узнать, боится ли она медведя или нет и годится ли для охоты на него.

В разных деревушках и селах шайтаны были разные: одни — в виде маленького человечка, вытесанного из полена, другие — в виде домашнего животного, птицы и т.д. Вот маленькая деревушка была Терез по левую сторону Леушинского тумана — в ней верили в змею. А в домах держали иконы. Помню, у нас в переднем левом углу были две иконы, на одной был изображен старик с черной бородой — я его назвал Ефимом Захарычем, сам не знаю почему, может быть, так звали кого-нибудь из проезжавших, которые обычно останавливались на ночлег или просто обогреться в дороге, попить чаю у нас да у деда Соболева.

Еще был заведен такой обычай у местных жителей: если загораживали речку, живун, ключ перегородкой, или зимней арпой, или котчиком, то после облова не оставляли никакого мусора, даже колья и тычки убирала и этого же требовали от своих детей — учили их понимать, что и за ними придет новое поколение людей и будет заниматься тем же делом. Люди были неграмотными, а закон жизни соблюдали. Честность была во всем, даже весла не уносили в деревню, а оставляли на берегу. Если кто-то и нарушил порядок, все равно дознаются, соберутся все мужчины деревни и так проберут нарушителя, что больше не решится повторить свой поступок. В каждой деревне был старший, вроде старосты.

Деревня была не бедная, но и не богатая — среднего достатка. Основное занятие — рыболовство. Кроме этого, заготавливали ягоды, кедровый орех, солили на зиму грузди, а с остальными грибами не знали что делать, как их запастись на зиму. Кто имел возможность, осенью шли на охоту — белковать, добывали также колонка, выдру, медведя, лося, росомаху, волка, горносталя (горносталь — местное название горносталя. — Ред.), красную лисицу и совсем редко — соболя и куницу.

Жили люди дружно, перенимали друг у друга хозяйственный опыт. Например, мансийские женщины научились от русских выращивать овощи, стряпать блины и олады, а русские от мансийских — сушить и коптить рыбу, делать урак, рыбий жир. Куда нынешнему аптечному жиру до того, который приготавлился раньше кустарным способом! Делали его из чебака, плотвы и мегдыма (ельца) вместе, а из ерша и окуня — отдельно. Русские мужчины учились у манси городить и устанавливать зимние арпы (запоры), плести жаловые камки (морды). Иосиф Павлович Соболев, приехавший в деревню на жительство в начале века, сплел однажды две камки из проволоки и вскоре бросил их на сарай. Я спросил: «Почему, Осип Павлович, ими не рыбачишь?» Он ответил: «Почему-то в них рыба плохо ловилась». (Соболев (1867-1958) был грамотным, начитанным человеком, в деревне он прожил больше полувека и последним похоронен на пантрашинском кладбище).

Места здесь благоприятные для рыбной ловли. В Пантрашинской речке в некоторые годы добывали более 100 тонн рыбы. Улов в основном состоял из щуки, ельца, плотвы-сороги, окуня и ерша, да еще в курьях, заливах и озерах ловили карася. Язя было очень мало, зато в сети

попадал пинь, которого в других местах я не видел и не добывал. А в речках и озерах Сосновско-Кипавлинской системы ловятся язь, щука, карась, плотва, окунь, елец, ерш. Годовые уловы достигали 100 тонн, самые малые — 50-55 тонн.

Вести промысел можно и летом, и зимой, но только в разных местах. Летом рыбу ловили с таким расчетом, чтобы можно было ее обработать и высушить урак. Весной — вялили. Осенью выловленную рыбу выпускали в сады; неводным ловом занимались вплоть до рекостава, а там уже устанавливали зимние заборы с котцами с использованием камок (морд). Это деревянные ловушки, изготовленные из жал — тонких и длинных деревянных пластин, отщепленных от сухого соснового ствола, которые приплетались кедровым корнем к обручам из черемуховых веток. Все детали морды были тщательно выструганы. Сейчас у рыбаков Конды не найти уже таких ловушек, какие раньше делали местные манси. Их орудия лова изготавливались и устанавливались с расчетом и на время лова, и на определенный вид рыбы, и на размер ее, чтобы мелочь пропускать в верховья речек. Ближе к осени котцы и заборы ставили почаще, чтобы взять более мелкую рыбу — такую, как ерш.

Интересна одна деталь: рыбу сушили на урак не сразу с весны, а в конце июня, когда она нагуляется, наестся, станет жирной. Было отведено место для огневища, стояли вешала над костром и в несколько рядов снизу вверх подвешивалась на деревянных как бы шампурах разделанная рыба. Мать мне рассказывала, из бараньей мошонки, высушенной на специальной колодке, делали банки емкостью по поллитра и больше. Так вот один здешний старик, Фома Никитич, «управит» целый шампур урака, запьет банкой рыбьего жира, а потом гладит на солнышке свое пузо и приговаривает: «Вот это хорошо.» Ну, а хлеба могло и не быть, потому что он был привозной, как и соль. Русские обозники зимой променивали соль на ягоду: пуд соли на полтора — два пуда ягоды.

В болотах возле Пантрашкиной было много клюквы, сюда даже приезжали сборщики из ближайших деревень и тут же сдавали ягоду заготовителю. До зимы она хранилась в бочках и увозилась обозами. Когда приемные пункты в деревнях передали кооперации, сбор ягод резко сократился. После войны люди уже не стали сдавать ее за трудодни, а сдавали только за наличный расчет с отчислением процентов колхозу или удержанием их продавцом и последующей сдачей в колхозную кассу для зачисления в фонд колхоза. От таких отчислений освобождались только дети колхозников в возрасте до 16 лет.

Интересно то, что в самой деревне Пантрашкиной и вокруг нее родилась ягода княженика, или, как ее называло местное население — махрамумч, а в полутора-двух километрах от деревни нигде уже она не росла.

* * *

В 1937-39 гг. из жителей деревень Кипавла, Пантрашкина и Сосновка была организована рыболовецкая артель для облова прилегающих водоемов. В нее вошел и житель д. Еремкино Филатов Михаил Степанович. К тому времени в Еремкино уже перестал существовать участок лесозаготовителей, как и в Алешкином бору в 1939 г. Люди ловили рыбу, сушили ее в весенне-летний период, собирали ягоды. Под осень добытую камками и неводами рыбу отсаживали в котцы, жалово-земляные установки, а зимой отплавливали, замораживали и увозили на Юмасинский приемный пункт для сдачи государству. В 1940 г. оформился рыболовецкий колхоз, были созданы молочно-товарная, овцеводческая, звероводческая (серебристо-черные лисицы) и коневодческая фермы. Первым председателем колхоза был Алексей Сергеевич Тандалов, счетоводом — Николай Александрович Рагозин.

В военные сороковые годы колхоз преобразовался в рыболовецкую артель, подсобными видами хозяйства были животноводство, звероводство, пушной промысел, сбор ягод и кедрового ореха. Часть колхозников выделялась на зимние лесозаготовительные работы со своими лошадьми для вывозки леса. Зимой на рыбодобыче и людей не хватало, и рабочих лошадей. В 1940 году лошади были коллективизированы. Я помню, как после окончания первой

учебной четверти меня везли домой на своей лошади, а на новогодние каникулы — на колхозной. Лошадей у нас во дворе уже не было. В 1941-42 гг. лучшие кони были взяты в Красную Армию или на работы, связанные с оборонным производством.

В военные годы колхозники в нашей местности жили сходнее, чем в соседних деревнях. Поэтому их жители кооперировали с нашими рыбаками для совместного неводного облова озер Кипавлинской системы в зимнее время. Улов делился по паям, каждый сдавал свой пай государству, но часть его оставляли на пропитание семьи.

Хочу коротко рассказать о тех земляках, кто ушел на фронт Великой Отечественной войны, и их дальнейшей судьбе.

Немков Тимофей Петрович в армию был призван из д. Сосновка, пал смертью храбрых в первом периоде войны.

Тандалов Степан Александрович. Отслужил действительную службу до войны, в 1941 году взят на фронт и погиб. Жил в д. Сосновка.

Вахрушев Петр Александрович (д. Кипавла). Как и Тандалов, отслужил действительную, в 1941 г. взят на фронт и погиб.

Албучев Константин Калистратович, житель д. Сосновка. На фронте с 1941 г. В 1946 г. демобилизовался, имея легкие ранения. Награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями. В 1967 г. при переезде на моторной лодке из Елушкино в д. Три Конды утонул.

Эти люди, ранее отслужившие в армии, без подготовки пошли на фронт по первому зову Родины. Массовый призыв был в конце августа 1941 г. После него деревни опустели и стал остро ощущаться недостаток рабочих рук в колхозе. Мужчин заменили старики женщины и подростки, которые в последующие годы тоже уходили на войну.

Калымов Григорий Андреевич. Взят на фронт из д. Пантрашкина в 1941 г. и в этом же году погиб под Ленинградом.

Калымов Николай Фомич, тоже из Пантрашкиной. Мобилизован в 1941 г. После ранения в руку в 1942 г. вернулся домой, но в 1943 г. снова призван. В 1946 г. возвратился окончательно, был членом колхоза «Красный Север» д. Кипавла. В 1972 г. умер.

Калымов Аркадий Васильевич, уроженец д. Пантрашкина. Воевал с 1941 г., в 1943 г. демобилизован по болезни и в 1948-умер.

Бронников Яков Иванович (д. Кипавла) взят в 1941 г. Погиб.

Немков Тимофей Иванович (д. Сосновка) призван в 1941 г. Убит.

Рагозин Николай Александрович и его брат Семен Александрович, оба из Сосновки, мобилизованы в 1941 г. на фронт и сложили свои головы.

Немков Андрей Петрович (д. Сосновка). Перед войной окончил педагогическое училище. Во время войны дослужился до звания капитана, пал смертью храбрых в марте 1945 г.

В 1942 году ушли на фронт жители деревни Кипавла Довыденко Михаил Андреевич и его сын Федот Михайлович. Оба дожили до светлого дня Победы. Первый встретил его в г. Пловдив, в сентябре 1945 г. вернулся с боевыми наградами домой и в декабре умер от ран. А сын его в 1948 г., стоя на посту в г. Каунасе, был смертельно ранен и умер по дороге в Москву на операцию. Интересно то, что отец и сын с самого начала службы угадали в одно подразделение и воевали вместе, только в мае 1942 г. их разлучило первое ранение отца. С передовой его вынес в безопасное место сын, там и попрощались — как оказалось, навсегда. Я учился в начальной школе и как-то во время зимних каникул теща Михаила Андреевича Надежда Ивановна Калымова попросила меня написать письма. Я написал обоим Довыденкам на полевую почту, и оба письма были получены. Когда приехал Михаил Андреевич, он рассказывал, как рады были они с сыном. Люди в наших маленьких деревнях были неграмотными, на фронт некому было и письма написать.

Вахрушев Василий Александрович и Тандалов Алексей Сергеевич из Кипавлы, Елушкин Павел Тимофеевич из Пантрашкиной, Немков Николай Ефимович из Сосновки призваны в 1942 г., все четверо убиты.

Рагозин Илья Николаевич, житель Сосновки, взят в армию в 1942 г., в 1943 г. вернулся по болезни, в настоящее время живет в д. Юмас.

Шабанов Гаврил Константинович призван из Сосновки в конце 1942 г. Погиб.

В 1943 г. ушли на фронт Капымов Дмитрий Григорьевич из Кипавлы и Ендаков Иван Федорович из Сосновки. Оба возвратились, но теперь их уже нет. Может быть, этот список и неполон, но других имен я не знаю.

Хочется отдельно сказать о местных подростках той поры, когда еще не было большого наплыва приезжего населения (предвоенные-послевоенные годы). В возрасте от 10 лет и старше они уже били дичь из охотничьих ружей, ловили ее капканами, пленками, сплосцами. В то время ее было много, но с 60-62 гг. резко поубавилось из-за массовой вырубке лесов и химподсочки. Особенно резко это бросилось в глаза, когда лесохимики стали производить химподсочку с помощью кислоты. Эти мальчишки умели отлавливать и пушного зверя — зайца, горносталя, колонка, лисицу, выдру. Они прекрасно ездили на осиновых лодочках-долбленках, сетничали (ловили рыбу сетями. — Ред.), помогали взрослым на неводном лове.

В послевоенные годы нехватка рабочей силы продолжала ощущаться везде — как на рыбном промысле, так и в сельском хозяйстве. К тому же еще вплоть до 1958 г. колхозники привлекались зимой к заготовке леса, а летом — к сплаву.

Рыболовецкая артель «Красный Север» просуществовала до 1958 г., затем ее соединили с рыбартелью им. Энгельса (д. Елушкина), а в 1959 г. «укрупнили» с рыбоартелью им. Маркса (д. Тап).

Доходы колхоза были невелики, т.к. продукция сельского хозяйства выдавалась колхозникам по низкой цене в счет их заработков на трудодни. Рыбаки получали 70% от стоимости сданного по скупочным ценам сырья. За сдачу ягод и кедрового ореха население рассчитывала заготовительная организация, участки и пункты ее обслуживали по несколько деревень. Позднее эти пункты были переданы в кооперацию, и ягоды и кедровый орех стал принимать продавец, а пушнину — заготовитель, который появлялся раз в месяц или реже. Рыбу же сдавали в рыбзавод; на колхоз было два приемных пункта — в Пантрашкиной и Кипавле. В 1948 или 1949г. Кипавлинский пункт перевели в Сосновку, потому что в летний период больше рыбы скапливалось там. Засолочный пункт в Пантрашкиной и сейчас стоит, его по сей день используют рыбаки Юмасинского участка Кондинского рыбзавода.

В 1960 г. Кипавлинский участок, входивший тогда в состав рыбартели им. Маркса деревни Тап, был передан со всем хозяйством (лисицами, коровами, лошадьми, овцами) колхозу «Заря» деревни Юмас, т.к. в летнее время Кипавла была лучше связана и водным, и пешим путем с Юмасом, чем с Тапом и Елушкиной. И с этого момента народ стал постепенно перебираться в Юмас. В 1946 г. колхоз «Заря» преобразовался в совхоз «Сотниковский», еще позднее — в подсобное хозяйство Кондинского лесопромышленного комбината, а в 1988 г. оно перешло во владение Кондинского рыбозавода. Рыбартель им. Маркса в 1961 г. преобразована в Тапинский участок рыбозавода, который в 1969 г. объединен с Учинским участком. Теперь в д. Тап осталась небольшая конеферма Кондинского рыбозавода, да летом выезжают туда сезонные рыбаки. Зимой же водоемы, принадлежавшие рыбартели им. Маркса, частью остаются необловленными, и рыба в значительном количестве гибнет в результате заморных явлений.

А деревни, все три — Пантрашкина, Кипавла и Сосновка — выгорели. Никто в них не жил. Народ разъехался, молодежь перебралась в те села, где были школы и больницы или хотя бы фельдшерско-акушерские пункты, старики умерли на месте. Из Кипавлы последняя жительница, Елизавета Яковлевна Немкова, выехала в 1968 г. в Юмас. А жаль — такие были рыбные и сельскохозяйственные угодья! Вот бы их возродить!

Г.А. Федосеев

Ничто так не располагает человека к раздумью, как первобытная природа. Когда ты надолго соединяешься с ней, тебе хочется быть лучшим, очиститься от житейской накипи: пжи, лицемерия, жадности... Вспомнились эвенки, жители этого скудного края. В них живет удивительная простота человеческих отношений, детская доверчивость; они не знают воровства, бахвальства и своею откровенностью напоминают окружающую их природу, носят в себе ее чистоплотность. И невольно задумываешься над тем, сохраняют ли эвенки все эти черты, когда их полностью захватит цивилизация, которая донесет до них вместе с культурой, с величайшими достижениями науки и искусства и житейские недуги.

Утром здесь, в районе вечной мерзлоты, росисто и холодно. По болотам туман. Сквозь его влажную вуаль медленно светится мглистое небо. Разве отдохнешь в такую короткую ночь! Кажется, и глаз не смыкал, а уже пора вставать.

Из тайги, словно привидения, стекаются олени к непогасшим за ночь дымокурам. Гнус застаёт нас в пути. Я иду примерно на час ходового времени впереди каравана. Это позволяет мне более сосредоточенно наблюдать окружающий мир, не торопясь собирать растения для гербария, стрелять птиц и пополнять ими свою скромную коллекцию. Колышки нивелировщиков по протоптанной трассе не дают сбиться с пути

Отдаленные от жилых мест огромными пустырями, пастухи бывают бесконечно рады каждому встречному.

Представление о внешнем мире у них складывается из тех отрывочных сведений, которые приносили с собой эти люди. Мужчины и женщины помогали развьючить оленей, поставить палатку. Дети дружно таскали хвою для постелей. Это было искренним проявлением гостеприимства.

Я с нескрываемым любопытством рассматриваю пастухов. Мужчины среднего роста, крепыши, с легкой походкой и приветливыми, открытыми лицами. Женщины стройные, в них нет и признаков дикарства, чувствуется, что они в семье занимают первостепенную роль и за это расплачиваются тяжелым трудом. По их спокойным, даже строгим лицам трудно узнать, рады они или огорчены нашим появлением. Их скарб, состоящий из одежды, посуды, берестяных полотнищ для чумов, деревянных инструментов для выделки кож и всякой домашней мелочи, приспособлен для перевозки на оленях. За час они могут сняться и за такое же время устроить новый лагерь.

День провожали в вышине белохвостые орланы. Багровый закат сливался с лесом, опаленным осенним пожаром, золотил на поляне посиневшие от зрелой ягоды кусты голубики. Ветерок гладил увядшие листья берез, и те шепотком умоляли его не срывать их, подождать до утра...

Пастухи угощали нас чаем с густым оленьим молоком и с жадностью выпытывали новости. Их все интересовало: жизнь страны, куда кочует белка, кого встречали мы на пути и какая нужда привела нас в этот дикий край.

{«Смерть меня подождет»}

Федосеев Григорий Анисимович (1889-1968), писатель, инженер-геодезист, участвовал в экспедициях в самые отдаленные и неисследованные районы страны. Автор книг «Мы идем по Восточному Саяну», «Тропой испытаний», «Смерть меня подождет», «В тисках Джугдыра» и других.

* * *

Вот и осень...Конец навигации,
Вот и время дождей, наконец.
На ветвях у церковной акации
Почернел золоченый венец...
И над садом, над ржавой оградой,
Надо всем, где царит пустота, —
С неба птицей подстреленной падает
Распростертая тень от креста.

СНЕГ

Ронится снег...Века, тысячелетья
Идет и тает, тает и идет,
Роняя наземь снежные соцветья,
Сжигая белизну из года в год.
Перебелить он жаждет белой краской
Изрядно истрепавшуюся жизнь,
Все черное укрыть под хрупкой маской
И чистотой все грязное изжить.
О, сколько совершенства в этом жесте!
Который раз он жертвенность свою
Несет на поруганье ржавой жести
И тянется с доверием к огню.

СРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО

Как часто дереву случалось,
Когда придет его пора,
Цвести в саду.
Но оборвалась
Жизнь от удара топора.
С тех пор прошло и лет немало,
И сад зарос давным-давно.
Но я запомнил, как лежало
И мертвое цвело оно...

Поэзия
Владимир Коробов

Владимир Коробов родился в 1953 году в г. Тобольске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Литературная учеба», альманахах «Поэзия», «Истоки». Автор книги стихов «Взморье» (Библиотека журнала «Молодая гвардия», 1991). Член Союза писателей России.

В БОЛЬНИЧНОМ САДУ

Н. Алипову

Больничный сад зарос травой.
Сжигают мусор у оград.
И над опавшею листвою
Последний кружит листопад.

И там, в осеннем запустенье,
За легкой дымкой пустоты,
Ребенок, напрягая зренья,
Следит, как падают листья.

Его глаза сквозь толщу стекол
Едва улавливают их.
Но, озираясь одиноко,
Он, может, счастлив в этот миг?

Ему так хочется запомнить
До бесконечных мелочей
И сад болезненно огромный,
И листопад, совсем ничей...

Потом, когда больное зренья
Устанет всматриваться в тьму, —
Души ранимые прозренья
Помогут мир открыть ему.

РОМАНС

В снегу затерялись следы дорогие...
Судьба ль их укрыла? Метель замела?
Но только ослеп и пропал от тоски я.
Куда ты, дорога, меня завела?

Огни не горят здесь. И окна пустые.
Округа оглохла. И даль умерла.
Лишь хлопья густые, густые, густые...
Куда ты, дорога, меня завела?

* * *

Вечер. Дождик сыплет мелко.
Но, на миг рассеяв мглу, —
Словно спичка, чиркнет белка
По сосновому стволу.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Облетела листва,
Стало тише и проще,
Затаились дожди,
Замер сад до весны,
Лишь заря золотит
Облетевшие рощи,
Словно листья опять
Осыпаться должны,
Словно осень всему —
Золотая основа,
Словно снова в саду
Долгий дождь моросит,
И вернулось все вспять,
И прощальное слово
С твоих зябнувших губ
Безвозвратно слетит...

ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Пройдут года. Ты станешь вдвое старше,
В знакомый двор войдешь однажды вновь...
А формула наивная все та же:
Она + Он = Любовь!

Цветным мелком ее писало детство,
Еще не зная, к счастью, что она:
Почти невыносимая для сердца
Земная мука — твоя вина.

БЕРЕЗОВО — КУЧ ЗЕМЛИ

Ю.К. Агафонов: Тот первый маршрут мы как начали с шести часов — до двенадцати ночи еще не дошли до опорной точки, на которой должны были закончить маршрут. Утомилась страшно. А тут еще спускались с оврага такого крутого... У меня был мальчишечка лет семнадцати, так вот он сел и заплакал. Не выдержал усталости. Пришлось сделать промежуточную точку. Рубщики наши тут неподалеку поселочек знали, когда еще раньше проходили, познакомились с хозяевами, повели нас к своим знакомым. Пустили ночевать, хозяйка картошки наварила, у нас с собой кой-какая еда была... И поставила она миску с брусникой — здоровую такую. И как я привалился к этой миске... Чувствую, что надо кончать, неудобно уже, но все ем и ем эту бруснику. Еда-то у нас была довольно однообразная, сухой паек, а тут такой таежный деликатес!

Переночевали, с утра быстренько до обеда закончили маршрут, вышли на опорную точку. Там нас уже ждал радист, лошади. И тут два рабочих, рубщики как раз, обоим лет по тридцать было, сказали: «Нет, начальник, мы такую работу делать не хотим. Тяжелая больно!» Я связался по радиации с Зоммером, чтобы прислали других рабочих. И буквально на следующий день приехали парни молодые, один только после армии, и стали мы работать. Тут как-то легче стало. Во-первых, адаптировались. Во-вторых, это был единственный профиль такой по просеке, а остальные мы работали по пойме. Правда, были еще тяжелые моменты, приходилось ночевать у бакенщиков, у хантов, прямо у костра. Тот мальчик, который плакал, оказался в дальнейшем очень хорошим работником. Все молодые, сильные ребята, на лыжах хорошо ходили.

Тут, в Устреме, я и с Грачевым познакомился. Он приезжал с какой-то комиссией, посмотрел, как мы тут живем, познакомились. Пока работал в Тюмени, постоянно слышал: «Грачев! Грачев!» (он был такой личностью, что о нем много говорили), но видеть — не видел, он был все время в разъездах. Интересно с ним было говорить. Я тогда брякнул что-то такое самоуверенное, а он мне: «Ишь ты!» — не то что одернул, но интонация такая... Сразу ставил на место. Да меня и другие корифеи-тюменцы поразили, такие все были умные, такие говорливые — Монастырев, Шмелев, Биншток, Уманцев — я слушал, раскрыв рот!

И.П. Шмелева: После окончания зимнего полевого сезона геофизики собирались в Тюмени, здесь писали отчеты о проделанной работе. Интерпретаторами были, в основном, молодые женщины. Наши руководители Юрий Николаевич Грачев и главный инженер Владимир Владимирович Ансимов относились к нам по-рыцарски, с уважением. Не дергали, не учили, не устраивали разносов. Если у нас случалось затруднение, старались разобраться вместе с нами. С руководителями производственного отдела мы разговаривали на равных, могли и надерзить. В производственном отделе в то время работали двадцативосьмилетний Володя Монастырев и Лев Цибулин — еще моложе его. Мужчины веселые, остроумные, гордые на всякие подначки. Впрочем, и серьезно схватываться по работе все тоже — ой, как умели!

О.В. Шкутова: Считали нормой такие отношения. Они могли «напаять» друг на друга и на Грачева, а через пять минут — снова друзья, потому что уважали друг друга. Грачев таких и ценил. Подхалимов не терпел. Ценил в человеке ум, упорство, целеустремленность.

А.К. Шмелев: Грачев нас делал, как хотел! Вот вызывает меня: «Значит, опытные работы? Целое лето? Нет, знаешь что, бери-ка ты партию в Увате!» Меня уже Моисырев про этот Уват предупреждал: это четыреста километров от Тюмени да без дорог. Уват да еще Усть-Ишим никто из начальников партий брать не хотел. Теперь вот меня в Уват, а в Усть-Ишим — Волкова, что под Аромашево работал. Я говорю: «Зачем мне в Уват, когда надо опытные работы здесь проводить? Нет, я не согласен!» Волков говорит: «С моей техникой в тайгу? Здесь у меня партия лучшая, там — угроблю». Грачев мне: «Не хочешь?» — Так ведь мастерские нужны, а в Увате что я изготовлю для опытной партии?» — «А ты сделай два отряда — здесь и в Увате.» — «Так ведь четыреста километров!» — «Ну и что? Но не хочешь — не надо. Только тогда не будет и речного отряда!» — «Нет уж. Лучше я и Уват возьму, но не без речного отряда!» — «Вот и договорились». Волкову: «Не поедешь в Усть-Ишим?» — «Да я лучше оператором куда пойду!»

— Оператором? Ну, ладно. А в начальники я тебе какого-нибудь дурака дам!» Ну, и поехали мы с Волковым, куда послали. Грачев знал куда нажать!

Притом умел и свободу предоставить. В научно-техническом совете с самого начала установил демократические порядки. Выдумал что — подготовь, выходи на НТС. НТС это обсудит и вынесет решение. И Грачев, даже если не согласен, будет это решение выполнять. Если сам вынесет предложение, а НТС отвергнет — Грачев об этом забыл. Году в 55-ом предложил он схему строения Западно-Сибирской низменности. НТС рассмотрел и разбил его схему в пух и прах! Никому никаких претензий, и больше Грачев к своей схеме не возвращался: ему доказали, что она неверна. Он не стеснялся признавать свою неправоту, потому что достаточно было случаев, когда он был прав на все сто процентов.

Если идеи выносились, обсуждались, принимались на научно-техническом совете треста в Тюмени, то все основное осуществление шло в Березово.

Г.П. Агафонова: Я туда приехала в 55 году. Училась в МГУ. Последние два года нас поселили на Ленинских горах, где мы жили в одноместных номерах. Это было шикарно! До этого мы вообще не знали, что существует такая жизнь — с горячей водой, душем, теплым туалетом. Не особенно хотелось уезжать из Москвы. Но я получила распределение в Ашхабад и была им довольна. Многие москвички, напротив, горели энтузиазмом и рвались в Тюмень, на Сахалин... Этот «единый порыв энтузиазма» был даже описан в одном из летних номеров «Комсомолки». Но еще задолго до отъезда подружки, более просвещенные в медицинских вопросах, стали объяснять, что мне, с моей «щитовидкой», ни в коем случае нельзя жить в жарком климате. И тут одна из москвичек, получивших распределение в Тюмень, собралась замуж, ее место таким образом освободилось, и я решила, что лучше уж поеду в Тюмень. Но спешить мы с подружкой Ниной Кутузовой не стали: неизвестно, когда еще дадут отпуск! Так что, хотя явиться на работу мы должны были к первому августа, приехали к месту назначения только в сентябре.

И тут нас принял Грачев. Сама внешность Юрия Николаевича — такой высокий, стройный, красивый, немолодой, зрелых лет (это вызывало у нас особое уважение), с выразительной манерой говорить — все это уже впечатляло. И он произнес перед нами такую речь, так вдохновил и зажег этим Березово, что я уж и не знаю, чего мы там ожидали. Рассказывал нам о перспективах, о том, как хорошо и замечательно, но трудностей не умалял, напротив, настраивал на эти трудности и возлагал на нас надежды, что мы сумеем там достойно работать, сделать большое дело.

Нас уговаривали пойти в сейсморазведку, объясняя, что за ней — будущее, что в ней нам сразу дадут инженерные должности. Нину уговорили. А я о сейсморазведке имела весьма смутное представление, на практике занималась гравиметрией, и ни за что не соглашалась. Нину отправили в Березово инженером-сейсмиком, а меня — техником-вычислителем в гравиметрию.

Она улетела первой. Через три дня встретила меня и показала ключи от дома, в котором нам разрешили пожить с условием, что мы не будем растаскивать книги. Мы нашли этот крошечный домишко, открыли все замки и были потрясены богатством этого жилища: оно было битком набито книгами! На одном из журналов была фамилия владельца. Прочитав совместными усилиями: «Климентов» — мы поняли, что заняли дом уехавшего начальника экспедиции. Даже в этом факте дух экспедиции как-то просматривался. Ведь кто мы были — две никому не известные пигалицы, молодые специалисты — и, вот, пожалуйста, ключ от дома Климентова!

В этом доме мы нашли еще одну замечательную вещь — огромные кирзовые сапоги, и подумали: вот если бы он был здесь, этот Климентов, неужели бы он не дал нам поносить этих сапог? Дал бы, конечно! Потому что в Березово несусветная грязь, а мы к такой жизни оказались неподготовленными. И вот мы с Ниной ходили в этих сапогах по очереди, через день. По тротуару-то мы могли и в своей обуви пройти-проскакать, но дорогу перейти совершенно невозможно было ни в чем, кроме сапог. Поэтому не имевшая сапог садилась на закорки «дежурной», и таким образом мы транспортировались.

Прожили дня четыре, потом нас повезли в партии на барже. Нину высадили в Пугорах, меня километрах за двенадцать — в Устреме. На берегу меня встретил высокий худой мрачноватый парень — оставшийся за начальника партии Юрий Константинович Агафонов.

Праздники мы встречали у Кирилла Кавалерова. Его жена работала здесь учительницей, мы собрались в школе.

Ю.К. Агафонов: Там у нас интересная компания была. Ребята из сейсморазведочных партий, которые работали рядом, в поселках других, они часто приезжали к нам в Устрем — побольше был поселочек, вроде как центр, вот и праздники вместе отмечали.

Г.П. Агафонова: Мы ездили в гости не только по праздникам, а как только появлялась возможность. Ни расстояния, ни морозы не пугали. Было бы время да лошадка! Или олени. Или хоть лыжи. И в следующие годы, хотя геофизические партии работали все дальше друг от друга, но в гости друг к другу мы так и продолжали ездить, и девяносто километров уже казалось — недалеко.

Некоторое время я проработала в камералке. Там не было инженеров, только вычислители. Инженеры работали начальниками полевых партий, операторами. И я стала проситься оператором. Мне казалось, что это мой долг. Женщины операторами в гравике никогда не работали, это же в тайге, на морозе (зимой же только работали), не в балке даже, а в брезентовой палатке, на снегу спать... Но мне тогда было двадцать два года и казалось, что я все смогу.

Может, речь Грачева на меня так подействовала, может, хотелось себя проверить... Мой начальник Игорь Эдуардович Зоммер счел все это, по-видимому, обыкновенным легкомыслием, дамским капризом, и решил меня проучить. Он согласился на все мои требования и стал спокойно смотреть, как у меня ничего не получится.

И если бы не Саша Чусовитин, действительно бы ничего не получилось. Очень добрый человек, он увидел, что если меня выкинуть в тайгу, то я там пропаду, и стал мне помогать. Не знаю, может, начальник ему что-нибудь и сказал, но у меня осталось впечатление, что Саша сам все понял. Или вместе с женой Полиной Щербич они так решили. Полина там опекала и подкармливала (необыкновенно вкусными домашними вещами) всю молодежь.

Очень добрая и заботливая, но очень острая на язык — из-за этого она даже была в немилости у начальства.

П.П. Щербич: Молодежь-то эта — вовсе неоперившиеся студенты и студенточки. В Тюменскую экспедицию, когда та только создавалась, приезжали все-таки покрепче, послевоенные, да и город там, и климат помягче. А тут еще начальник такой попался — с Дмитрием Феодосьевичем Уманцевым не сравнить! На людей ему наплевать было. Ну, и приходилось воевать, тем более, что в профсоюз избрали. Гале особенно досталось! Она виду не подавала, всегда веселая была, а ему, видать, надо было, чтобы заплакала. Увидел, что они с Юрой Агафоновым подружились (тоже порядочный лавепас был, хоть и пел по утрам за стенкой: «Я тот, кого никто не любит!»), так взялся на нее черт знает что наговаривать! Кто-то должен был ей помочь!

Г.П. Агафонова: Оказалось, что я мало чего представляю и в гравиметрии, особенно в тех приборах, которыми здесь работали. И вот Саша стал возить меня по поселку с этим прибором, учил снимать замеры, объяснял, что к чему, каких ждать отклонений, что как исправляется, и главное, как беречь прибор. Я и ночевала рядом с прибором, и даже обморозилась — нос и щеки. Хоть и учеба, а мороз-то настоящий! Весь декабрь проучилась. В поле выехали только в конце января. Основные работы вообще приходились на февраль, март, апрель, когда уже и посветлее, и зима устоявшаяся, снег крепкий, наст — можно везде проехать, и просеки уже прорубленные, район работ определен.

Сначала я ездила за оленями. Было у меня два каюра — мальчишки-ханты, одному пятнадцать, другому шестнадцать лет. Кончили они по четыре класса, сказали, что были в Свердловске, видели железную дорогу, больше их ничто не интересует, поэтому можно сказать, что видели все. Говорили, что шестнадцатилетний мальчик уже имел ребенка. С оленями они управлялись, как боги, но мне этих оленей было страшно жалко, казалось, что мальчишки погоняют их с садистской жестокостью, стараясь причинить особую боль. Рога — болезненное место у оленя — всегда были в крови. Правда, когда мне пришлось самой проехать километра четыре на оленях — у меня они не шли вовсе. Потом ездили еще раз к пастухам менять заработавшихся оленей. Там я жила в чуме у очень славной и чистоплотной женщины-зырянки. Она угощала меня оленьими языками и жиром — мне показалось, что ничего вкуснее я не ела. Чум был огромный, в одной половине — одна семья, в другой — другая. «Другая» показалась мне ужасающе грязной. И потом — запахи, ведь все вместе, и люди, и собаки, и костер, и пища. Очень экзотично, но на один-два раза, а потом уже и не знаю как.

Чем я не уставала восхищаться в каюрах, так это их умением всегда найти верную дорогу к базе. И не по профилю, по которому мы шли, описывая дугу (так и я бы смогла вернуться), а кратчайшую. Для меня это было совершенно непостижимо! Был у меня еще радист из Красноселькупа, лет тридцати и трижды женатый, который мог изъясняться только с помощью нецензурных слов. Успокаивая меня, объяснял, что они и мать, и жену так называют. Рабочего для моего отряда не нашлось. Потом прислали, но он оказался таким непригодным, что только диву оставалось даваться, откуда он такой взялся.

Трудно было невероятно! Я была и за рабочего, и за повариху. Ханты у нас совсем не умели пилить дрова, были знакомы только с топором, пилили мы с радистом. Палатку ставили, печку топили. Печку, в основном, тоже я. меховой спальный мешок был только у меня, а у них — ватные. Мерзли мы, конечно, в этой палатке, как не знаю кто. Через некоторое время я поняла, что утром поднять кого-то, чтобы растопить печку, практически невозможно. Может, они просто почувствовали мою слабость, но только спали, как сурки. А у меня была, видно, какая-то ответственность за работу, надо же было раньше вставать. С вечера заготавливали лучину, дрова, и утром я подползала к печке прямо в

мешке, разжигала ее, и когда в палатке становилось более-менее тепло, поднимались мои мужчины. Наскоро завтракали, я с каюрами уезжала, а радист оставался. Один из каюров должен был выполнять роль рабочего, но когда я посмотрела, как он поднимает мой прибор, не придавая никакого значения тому, что его нельзя стукать, нельзя встряхивать, нужно относиться даже бережнее, чем к человеку, поняла, что он мне не помощник. Короче, таскала прибор тоже я. И с прибором на нарте ехала, и нартами сама управляла, и всегда была готова спасти мой гравиметр какой угодно ценой. Однажды нарты перевернулись — я успела принять прибор на себя, и очень этим была довольна, хотя он и помял меня основательно. Потому что если что-то там перевернется, встряхнется, надо возвращаться на прежнюю точку, делать замеры, не произошел ли какой-нибудь сдвиг в измерительной аппаратуре, а все это тяжело очень давалось, вот я и прикладывала все силы, чтобы только доехать до следующей точки, чтобы, не дай бог, не возвращаться никуда.

Мы выходили в поселки полтора месяца. Потом вышли, чтобы помыться в бане. А до этого мылись в палатке, прямо на снегу. Паразитов, слава богу, не завели. Я еще и стригла всех, когда уж очень обрастали!

Доделали мы эту работу где-то в начале апреля, вернулись в Березово. А каждый день все, что сделали, радист на базу передавал, и там сразу обработка идет. И вот мы приезжаем и узнаем, что у меня с северным моим соседом — неувязка, «не бьет». С южным, там работал молодой специалист из Львова Володя Маглеванный — все нормально. А на северном участке у нас опытейший оператор, знаменитый Яков Чусовитин — естественно, никаких сомнений в его безошибочности и добросовестности нет, ясно, что плохо у меня. Надо сказать, что были такие недобросовестные гравиметристы, которые могли замкнуть полигон, не делая никаких замеров. И вот наш начальник, видимо, считал, что я так и поступила. Володю Маглеванного послали пройти этот участок профиля заново. И неделю, пока все ждали возвращения третьей стороны, мне казалось, что я чувствую всеобщее пренебрежительное отношение. Даже сама в себе сомневалась, хотя я-то уж знала, что нормально работала, не сидела под кустом и не выдумывала эти цифры. Приехал Володя, обработали материал — наши данные полностью совпадают! У Якова просто барахлил прибор.

Конечно, для меня это было очень важно, мне казалось, что только теперь к моей работе и ко мне возникло доверие. Оказывается, не просто казалось. Когда мы праздновали пятидесятилетие Якова Григорьевича Чусовитина, он во всеуслышание рассказал этот случай, когда я доказала, что «и молодые работать могут!» Кажется, и мой начальник стал после этого ко мне иначе относиться. Потом мы с ним писали отчет. Тут он изумил меня еще раз. Я заметила, что в разных местах мы утверждаем явно противоположные вещи. Сказала ему об этом, он хохотнул: «Так и надо. Чтобы расплывчато, вроде что-то и говорим, а ничего не скажем!» А на защиту отчета отправил меня одну — сам срочно уезжал в Антарктиду. Конечно, впервые это было очень сложно, я же ничего не умела! Но в Тюмени мне очень помог Бутаков — старый гравиметрист, очень интеллигентный, разумный такой, со спокойным голосом, с хорошей речью (он употреблял много таких слов, каких мы вообще не знали), вежливый, корректный. Вообще в Тюмени я познакомилась с очень многими интересными людьми — и с тюменцами, и с березовцами. Мы же в Березово работали по своим партиям, в разных поселочках. В Тюмени на камералке все собрались и сдружились. Было очень весело, но отчет я защитила только на три.

(Продолжение следует).

МОРОЗНАЯ ЗИМА

Я теперь все чаще и чаще вспоминаю пословицу: «Как потопаеть — так и полопаеть», то есть поешь.

И действительно, как работали восточные манси, так и жили. Работали много, до устали, с раннего утра до позднего вечера. Бывало, и ночь прихватывали для дела.

У них не было выходных и праздники не все справляли. Новый год приходился на сезон ловли рыбы в арпах — зимних запорах. С новым годом приходил январский мороз — трескун, колотун. Продолбленные проруби над ловушками дымились паром и казалось, что на льду горят костры. Несведущий в нашей жизни, увидев, закричал бы: «Река горит!! Горит, горит река!!»

Рыбаки на два метра друг от друга не узнавали, кто есть кто. Воробы на лету замерзали, падали стылými серыми комочками на хрупкий снег. Лед давил реку, рыба от кислородного голодания становилась вялой и боязливой. Звонко треснет лед от мороза, рыба пугается и в полудреме лезет во все щели в речке. До самых крышек ловушек, до густоты набивалась в них.

В такие дни не то, что праздновать Новый год, а и спокойно выспаться не приходилось рыбакам. Помню, наш дом стоял на взгорке вблизи большой речки Евры, и, чтобы не проспять ночной просмотр ловушек, мой брат, юный рыбак Семен Митрофанович Картин, в одежде, в обуви ложился на пол, в изголовье клал полено. Когда старшие рыбаки пойдут мимо наших окон с самодельными фонарями, Сеня, почувствовав мелькание света, вскакивал, хватал свой фонарик и бежал на речку, обгоняя старших.

— Кто это бежит, скачет жеребенком, бьет своим хвостом-вальком?

— Да это Семка Картин.

— Эй, Сямын, ты что, спишь заячьим мерцающим сном? Треснет ветка — и заяц уже на быстром ходу. А ты отчего сбрасываешь свой сон?

Но Сеня бежал, что есть мочи, боялся отстать от других.

Прибежит к ловушкам, отдолбит их, выбросит лед саком, сплетенным из кедровых корней, и берется за шесты ловушек, покачивает из стороны в сторону. Почувствует, что все его ловушки полны рыбой, и бегом домой. Прибежит к конюшне, выведет спокойную лошадь Гнедуху, захомутает ее, а к гужам привяжет прочные веревки и приведет ее к ловушкам. Возьмет доску, заранее приготовленную, проденет веревки от гужей в отверстия доски, осторожно подведет доску под ловушку и начнет понукать Гнедуху: «Ну, милая, помоги мне! Но, но!»

Лошадь потужится, потужится и вытянет ловушку на доске. Так водит лошадь от ловушки к ловушке. А когда последнюю ловушку вывезет, с радостью гладит морду лошади, хлопает по шее и хвалит ее: «Умница ты моя, настоящая рыбачка. Все ловушки сохранила в целости, наверное, понимаешь, сколько времени и трудов надо, чтобы изготовить их.»

Радуется Сеня улову и еще больше — сохраненным ловушкам.

Восточные манси плели свои ловушки не из прутьев, а из лиственничного желья и поэтому они получались прочными, светлыми, красивыми, как произведения искусства.

Однажды в ловушку, полную рыбы, прокралась, пробралась проказница — выдра, поймала рыбку и хотела вынести ее на сушу, где она всегда обедала, но куда ни повернется — везде перед ней живая плотная стена рыбы. Если бы она пробралась к стенке ловушки, прогрызла ее и ушла бы. Но билась, билась, стенку ловушки не могла достать и задохнулась. Ведь она не может жить без воздуха. Находится в воде, пока не истратит воздух в своих легких.

Тогда немало удивлялись рыбаки, подходили к Сене, спрашивали его:

— Ты, Семка, спроси у матери, может ты родился в счастливой «рубашке»?

— А что спрашивать ее, она и так всегда говорит, что я действительно родился в «рубашке».

— Значит, Сямын, твое великое счастье всегда с тобой. Вы посмотрите, мужики, Семка рыбы наворочал не меньше нас, ловушки сберег, да впридачу выдру на шапку себе выловил, — радуясь за Сеню, говорили рыбаки.

— Сямын, — пытали другие, — а кто тебя, хитрец, научил с помощью лошадиной силы вытаскивать из воды ловушки?

— Меня так ловить рыбу научила моя бабушка Околь, — честно признался Сеня.

— Семка, вы с бабушкой Околь ничего не придумаете, как избавиться от нахальных выдр на речке Канталыи? Там развелось лентяек тьма-тьмушая, вишь не хотят в речке рыбу ловить, залезут в ловушку, поймают рыбку, прогрызут стенку, уйдут и ищи-свищи их. Сами уйдут, и рыбу всю из ловушки выпустят, а после этого что получается с ловушкой, а? Возьми ее да выбрось на берег.

— Так ведь и у нас тоже испортили несколько ловушек, — объяснил Сеня. — Бабушка Околь говорит, что на них управа — искать их незамерзающие выходы из воды, туда ставить выдровые капканы, так выплавливать их.

— Молодец, Семка! Молодой, да ранний, — с улыбкой говорил старый рыбак Портя.

ВОРЧУН

К нам часто заходил с рыбалки дальний родственник, старичок Истян. Только открывал двери, говорил:

— Сюков сюк — наша Мать матерей, дай мне горячего чаю, пожалуйста! Все мои внутренности остудил мороз!

Его ресницы, борода и шапка были в ледяных сосульках. Он снимал шапку, ударял ее о колено и бросал на лавку. А сам скрюченными от холода пальцами старался убрать сосульки с бороды, но пальцы ему не подчинялись.

Бабушка Околь наливала кружку горячего чаю и советовала ему:

— Да ты, Истянушка, грей руки о кружку, как я делаю, когда немеют руки от мороза, и пей, пей чай, отогревайся, а уж потом и сосульки с бороды уберешь.

— Ой-е-е! И что только делают годы с нами? Вот раньше в одной шубейке ходил на рыбалку и никогда не мерз, а теперь все натяну на себя, и нет никакого спасу — мерзну, и все. Видишь, — он откидывал полу шубы и показывал безрукавку из собачьих шкур и шубу из нестриженных овец. И начинал с завистью говорить о русских хлеборобах.

— Вот русские живут не то, что мы. Они осенью уберут хлеба, приберут в сусеки. Справятся с овощами, ну, сена, дров подвезут к дому, а потом всю

холодную зиму лежат — и ноги в потолок. А у нас круглый год работы невпроворот, невпродых. А после такой морозной зимы, как нынешняя, придет жаркое, удушливое лето.

— Ну и что? По мне хорошо, что жаркое лето. Ведь жар костей не ломит, — возразила бабушка Околь.

— А я смолоду легче переживал морозы, а жару куда как хуже. Бывало, берешь на вилы улежавшийся, утопанный животными навоз, поднимаешь его на телегу и умываешься потом. Снимешь рубаху — не легче, снова пот с тебя течет, хоть шаровары снимай, да не можно оголять тело ниже пояса. Или начнешь «орать» — пахать землю, пот заливает глаза так, что борозду еле различаешь. А бабы, когда вывозили навоз, стояли на поле, в леготку спускали навоз с двухколесной телеги да заигрывали с ребятишками — возчиками навоза. А уж пахать землю кто из них когда брался. Везде и всюду мужчины подставляют свою мужскую силу.

— Ты что, Истьян, сетуешь на женщин? У них по дому столько работы, столько заботы, хоть отбавляй. Да и как и кому ее отбавить, кто скажет и на кого покажет? — сердито говорила бабушка Околь. — Я поняла, что тебя, Истьян, сильно рассердил мороз, а ты свою злость срываешь на русских и на женщинах. А кто готовится к жаркому лету? Кто из вас, мужчин, знает, какую пищу готовить на жаркие дни? Только она — женщина. Посчитай, уже в месяц таяния снега (апрель) женщины проращивают рожь на солод, чтобы сделать квас, чтобы вы — мужчины не полоскали внутренности водой, а пили ядреный хлебный добрый квас.

— Так ведь летняя работа не легче зимней для манси, а еще тяжелее и сложнее.

— Ну и что ты хочешь сказать? — спросила Околь.

— А то, что из-за женщин сколько прибавляется работы с землей. У многих огороды и так большие, а бабам все мало, дай им еще больше. Все суют в землю: семена моркови, репу, сажают лук, капусту, картошку, огурцы. Уже сеем лен, так давай еще и коноплю.

— Да ты что, Истьянушка, из конопляного волокна ткем крепкое полотно для шабуров-малахаев, чтобы сохранить теплые шубы охотников. А без них леса, перховники-мелколесья разденут наших охотников.

— Мать матерей, ты скажи: в каждом огороде есть хреновники, а горчицу-то зачем сеять?

— Ты пойми, Истьян, что не всегда русские торговцы привезут, что нам надо. А горчица всегда нужна как лекарство, и потом она занимает совсем мало места.

— Да ведь того немного, другого немного, а все времени требует. Мы не успеваем справиться с землей, а работы с перегораживанием реки уже стучат в двери. Если вовремя не перегородим речку, рыба вся пройдет. Она уйдет и сядет в речушках, протоках, заливах, у нас не будут работать коптильни, не будет копченой рыбы и рыбьего жира. А тут подошло время охоты с лодки на лося. Не возьмешь лося и вяленого мяса не будет, жира лосиного где возьмешь? Петровский лось жирный, с нежным мясом.

— Да, дорогой Истьян, я все это знаю, не первый день живу на нашей земле. Слава вышнему Торуму-богу, уже разменяла восьмой десяток. Знаю, что человек — на то он и человек, чтобы уметь приготовить пищу не только на один день, а и на весь год, — высказала Околь.

— Ну, наша Мать, прости меня и не сердись, ведь человек одним сердцем не живет. Сегодня сердит, а завтра уже ветром сдуло зло. — Истьян взял шапку, хлопнул ею по колену, натянул на голову, попрощался и вышел.

Орнамент

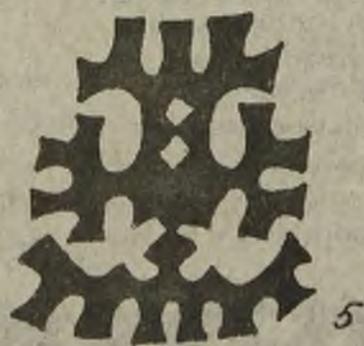
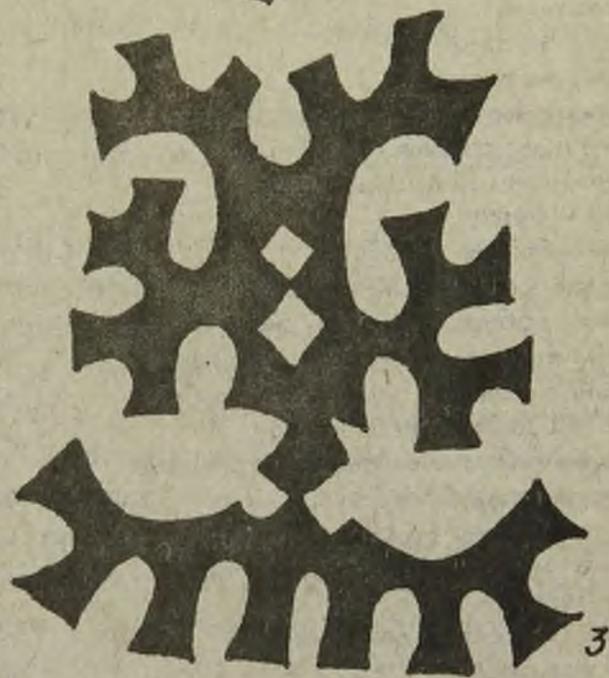
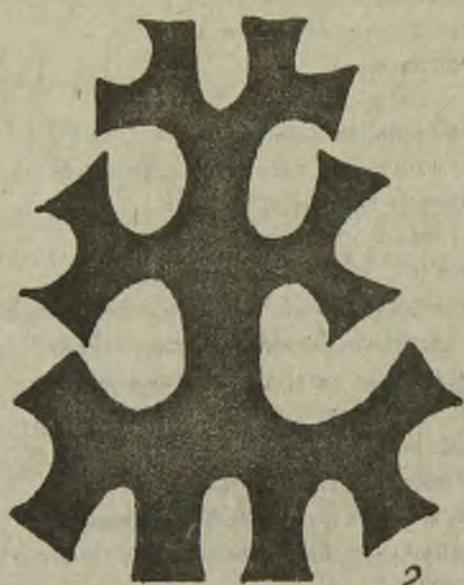
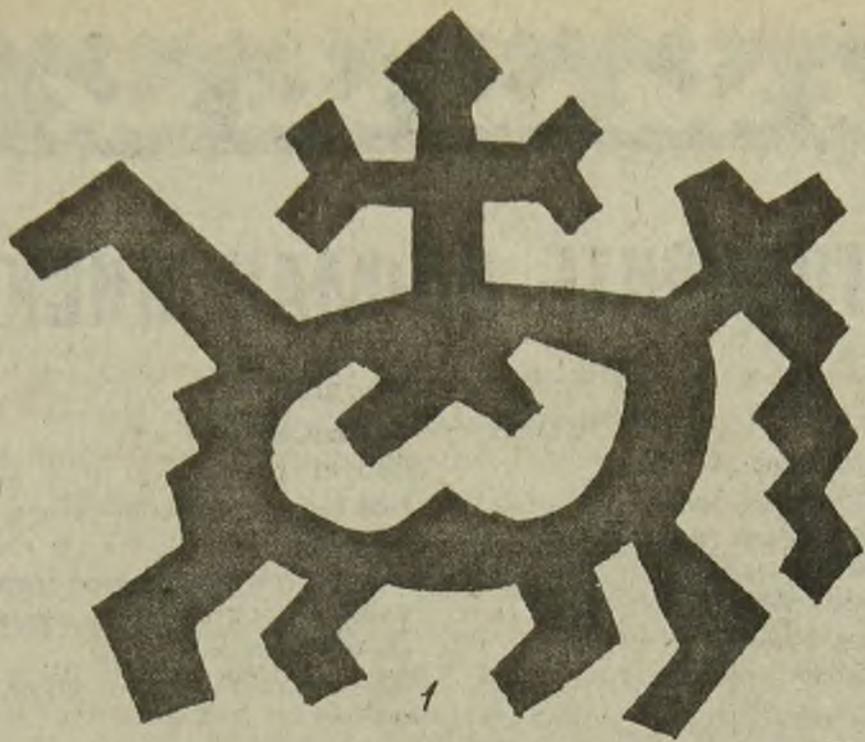
«Мужчина на лошади»

Лованхо — «Мужчина на лошади» — относится к священным узорам и встречается преимущественно на жертвенных покрывалах (рис.1), ритуальных шапках (рис.2). В последнем случае его форма такова, что он хорошо вписывается в клинышек остроконечной шапки, здесь от всадника сохранились только голова, руки, а лошадь превратилась в дугообразный элемент с выступами

На берестяном кузове (рис.4) у «мужчины на лошади» появляется сложный «головной убор» и три квадрата на туловище, которые мастерицами объясняются как «сердце» или «углубление для сердца»; на сумочках из сукна «мужчина» вообще «перевернулся» (рис.3, 5). Если суммировать все записанные выше высказывания, то «мужчина на лошади» поведаёт о себе несколько разных историй. Во-первых, самый древний «человек на лошади» — это «Лангал тый ики» — «Верховьев Иртыша мужчина», он сегодня настолько состарился, что забыл все свои священные песни. Во-вторых, имеют лошадей живущие ныне «Ем вож ики» — «Священного города мужчина» и «Лев кутуп ики» — «Середины Сосьвы мужчина». В-третьих, восседает на лошади самый молодой, самый близкий и влиятельный мужчина «Ас тый ики» — «Верховье Оби мужчина». И все эти «мужчины на лошади» в орнаментах видят себя. «Верховьев Иртыша мужчина» видит себя на бересте, «Священного города мужчина» и «Середины Сосьвы мужчина» этим орнаментом (рис.2) украшают свои шапки, а «Верховьев Оби мужчина» — это вообще всем известный всадник на белом коне.

Таким образом, мы видим, что священные узоры — это некие иллюстрации без пояснительной надписи из книги по истории и мировоззрению народа. Их расшифровка может дать ценную информацию об истории прошлого хантыйского народа. Данный, к примеру, орнамент, говорит о том, что на эту землю, видимо, неоднократно приходили люди на конях, чья идеология и по сей день владеет умами обско-угорского населения.

Т. Молданова.
Рис. автора

ГОВОРИТЕ ПО-МАНСИЙСКИ

Урок четырнадцатый Охота — Алысьлан

Дикие животные, птицы
Какие звери и птицы наиболее
распространены в ваших лесах?

В наших лесах живут разные
дикие звери: лисы, медведи,
белки, горностаи, соболи.

В тайге есть рябчики, глухари,
тетерева.

Это охотник.

Он идет на охоту.

Он идет на лыжах.

У него ружье.

С ними идет собака.

Охотники зимой промышляют
соболя и белку.

Зимой он живет в лесу.

Это лось. Он рогатый и очень
сильный, добывать его трудно и опасно.

Самый ценный мех — мех соболя,
Особенно ценится зимний мех соболя.

Мой отец добыл песца и лису

Песец белый, а лиса рыжая (красная)

Собака лает на белку.

Лиса, волк, заяц — дикие животные.

Охотником убитый медведь лежал
около берлоги.

Если ты пойдешь в лес, меня с
собой возьми.

Утку-чернеть добыть трудно:
чернеть очень чуткая и хитрая утка.

Лебедь красивая и гордая птица.

Мясо рябчика белее и вкуснее.

Наступила осень и птицы стали
собираться в обратный путь.

Примечание: В связи с отсутствием на полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «Н» в тексте он обозначается переднеязычным носовым «Н».

Воруит, товлын уит

Нан ворант манырсир уйхулт
олэгыт?

Ман воруvt савсир воруит олэгыт:
охсарыт, вортолнutyт, лэныт,
сельсит, нехсыт.

Ворт кисупат, сепрыт, ятрыт,
олэгыт.

Ты алысьлан хум.

Тав алысьланкве мины.

Тав есал еми.

Тав писаль оньси.

Тав етэ ампе хаиты.

Вероян хумыт тэлы порат нехыс
ос лэнын алысьлэгыт.

Тан тэлы порат ворт олэгыт.

Ты янгуй. Тав аньтын ос сака ер,
таве алысьланкве тарвитын ос пилысьман.

Мот воруитныл нехыс сов тынын,
янгысь тэлы нехыс сов сака тынын.

Атям лэпык ос алас.

Лэпык янк, охсар выгыр.

Амп лэнын уты хорты.

Охсар, хаитыут, севыр-ты веруит.

Вораян хуми алым вортолнут вонха
пахат хуяс.

Нан воры ке минэнын, арум ет
воелн.

Санки алысьланкве тарвитын:
санки сака хурин ос осьмарын.

Хотан нетнэ товлын уй.

Кисуп невьиль воикан ос атын.

Тавсынг емтыс, тевлын уит

мертым миннэ магыс сепитахтункве патсыт.

Топонимический словарь Югры

Ю-Я

ЮГРА — пространство за Уралом в бассейне Оби. На Среднем Урале есть ледник Югра, на Севере — пролив Югорский Шар и полуостров Югорский. В XI веке русские, впервые проникшие за Урал, обнаружили здесь народы под названием угры. Позже этим именем стали называться и земли за Уралом на севере Западной Сибири. Академик А. Лерберг дает такие границы этого пространства: «Древняя Югра простиралась между 56 и 67 градусами северной широты от самого северного конца Урала на восток через нижнюю Обь до реки Надым, впадающей в Обскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадает в Обь. К ней еще принадлежали места, лежащие по нижнему Иртышу, Тавде, Туре и Чусовой. С южной стороны она граничила с татарскими владениями, а с северной — с землей самоедов...»

Примерно эти же границы Югры называет и омский доктор наук М. Бударин. Он предположил, что свое название Югра получила от перевода этого слова с коми языка — дикий человек.

Однако более полное объяснение дала З. Соколова. Она считает, что название этого пространства пошло все-таки от названия народов, живших здесь древних угров. Коми-зыряне называли ныне живущих здесь ханты и манси «егра», так называли их в далеком прошлом. Их же еще именуют обскими уграми, в отличие от венгров, которых называли в том же прошлом угорами-сабирами. Со временем егра-угры трансформировалось в русское Югра, которым мы сейчас именуем наш край, вкладывая в это понятие пространство в бассейне Средней и Нижней Оби.

При более скрупулезной работе над этимологией этого слова необходимо учитывать, что одна из речек в Коми АССР называется Еграляга-Югорская ложбина. Именно по этой речке шла дорога в восточное Зауралье, горный участок которой носит название Югорский переход. Старинное же название Еграляги-Югра.

**А. Матвеев. Геогр. названия Урала. 1980, с. 87.
ЛП (НЮ).8.1.72.20.7.77.**

ЮГАНСКАЯ ОБЬ — река в среднем течении Оби. По-хантыйски она называется Ехант ас, что значит — река, образованная слиянием речек.

ЯГУРЬЯХ — деревня в Ханты-Мансийском районе. Название, как считает Г. Лазарев, произошло от имени человека и хантыйского ях — народ. Значит, Егоркина деревня — деревня Егоркиного народа.

Сделайте сами

ВЕРСТАЧНАЯ ДОСКА

Однажды я задумал использовать при изготовлении верстачной доски идею клиновых тисков. Получилось отлично! Теперь на этой доске я одинаково надежно зажимаю подлежащие обработке как небольшие детали, так и длинные доски. Буду рад, если моя доска понравится любителям мастерить.

В правой части доски выдолблен паз. К краям паза заподлицо с верхней его кромкой накрепко привинчены шурупами направляющие планки, сделанные из твердой древесины. В паз между направляющими планками вставлены два клина. В один из них врезан металлический козырек с зубцами (ерш), которым он должен впиваться в торец обрабатываемой детали. Другой клин выполняет роль замка. Он прочно удерживает клин с ершом в установленном положении. Клинья, так же как и направляющие планки, надо делать из твердой древесины.

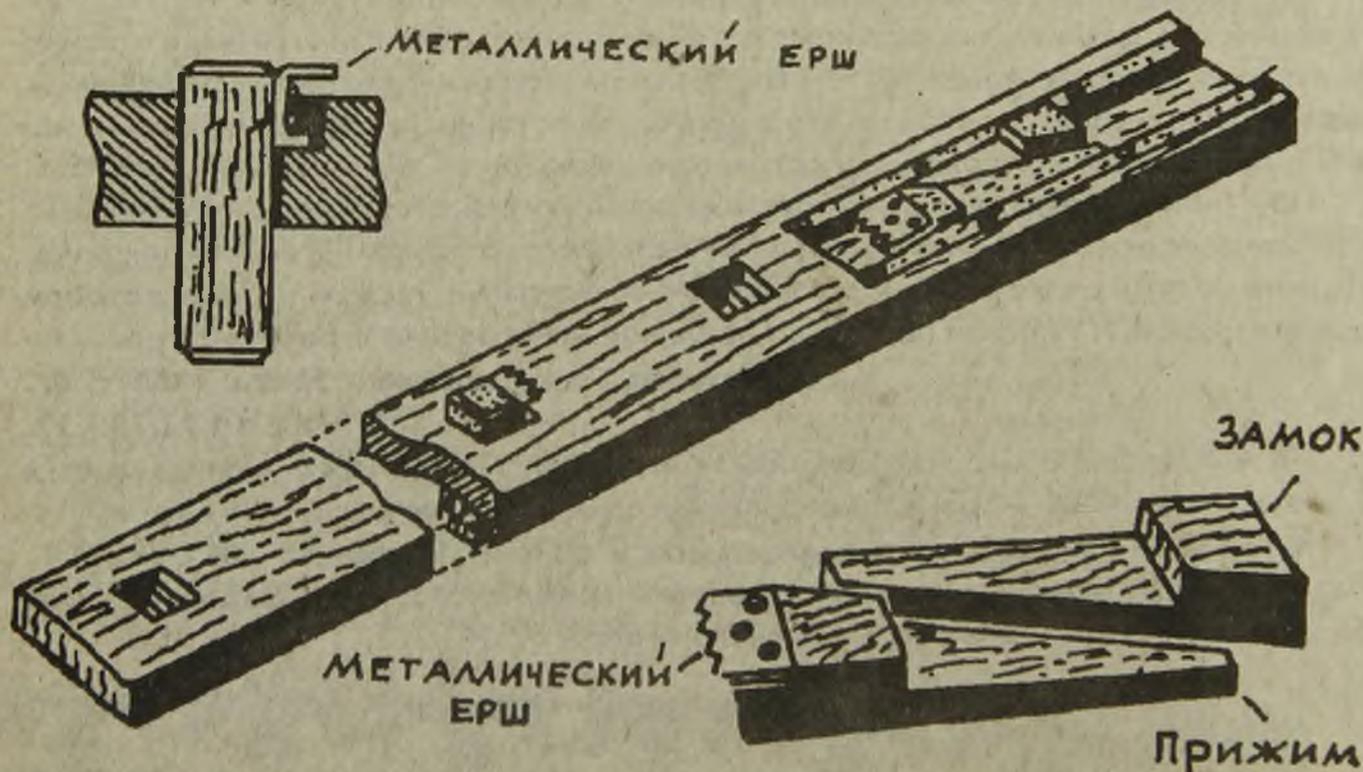
Закрепляется деталь и освобождается от зажима легкими ударами молотка, скользящего по специальному вырезу, сделанному для этого на клиньях.

Вторым упором для обрабатываемой детали служит чека с железной гребенкой-ершом. Она вставляется в одно из выдолбленных в доске гнезд.

Чтобы можно было закреплять детали любой длины (естественно, в пределах длины вашей доски), расстояние между соседями не должно превышать длины паза.

И еще надо учесть одно неважное обстоятельство. Чтобы на верстачной доске было возможно обрабатывать тонкие детали, выступающие части клиньев и чеки не должны возвышаться над плоскостью доски более чем на 10 миллиметров.

П.Кистер

НА ФРОНТЕ БОЛЬШИХ КОРАБЛЕЙ

А корабль ушел.

Корабль ушел без меня...

Я отчетливо представляю, как рулевой осторожно ворочает румпелем, пробираясь по тесной и оживленной ходовой речной протоке. У меня сердце обливается кровью, когда я вижу, как нахальная самоходная баржа теснит наше судно, пренебрегая всеми правилами судоходства. Капитану самоходки явно по душе законы джунглей, но мы-то эти законы знаем получше его, и он вынужден врезаться в берег. Вот что значит не дать вовремя отмашку, да еще паруснику!

Разжимаются кулаки, расправляются груди, расслабляются сотни распрозабытых мышц. Задыхаясь от веселого негодования, мы переводим дух и ставим паруса...

Очнувшись от всех этих горячительных грез, я сначала тарашусь на тесные стены своей кухоньки, потом начинаю воспринимать отдаленный гул ночных поездов и, наконец, осознаю, что корабль-то ушел, на этот раз ушел без меня. Втроем, вчетвером, а большей частью вдвоем на самодельном парусно-моторном судне «Флора» летом и осенью 1984 г. мы прошли по великим, не очень великим и вовсе неказистым сибирским рекам около четырех тысяч километров между поселком Гари Свердловской области и полуостровом Ямал. Парусное вооружение типа «малый бермудский шлюп» было представлено стареньким и гниловатым, но фабричным /!/ гротом типа «Дракон» и самодельным стакселем из парашютной ткани. Разумеется, в наименовании нашего парусного вооружения мы с извинительной академической рассеянностью обычно опускали эпитет «малый», и тогда оно насмерть разило простодушных сибирских аборигенов: их прямо-

Свердловской области и полуостровом Ямал. Парусное вооружение типа «малый бермудский шлюп» было представлено стареньким и гниловатым, но фабричным /!/ гротом типа «Дракон» и самодельным стакселем из парашютной ткани. Разумеется, в наименовании нашего парусного вооружения мы с извинительной академической рассеянностью обычно опускали эпитет «малый», и тогда оно насмерть разило простодушных сибирских аборигенов: их прямо-

таки оглушали ароматы тропических островов, шорох сейшельских пальм и ужасы «бермудского треугольника». О горячем и шумном вспомогательном стационарном двигателе «ЗИД» мощностью в четыре с половиной лошадиных силы мы старались не распространяться, но именно он исправно служил нам в дни изнуряющего безветрия, помогал пристать или отойти от берега, сушил наши портянки, а промозглой речной осенью обогревал и жилую рубку.

Рубка больше, чем крепость, потому что крепость неподвижна; рубка больше, чем рай, потому что она имеет стены и крышу; рубка больше, чем ад, потому что теснота, всепроникающая влага, шум и вибрация от двигателя, а также сложный букет испарений от мотора, камбуза и наших сигарет в особых комментариях не нуждаются. А собственно из-за рубки во всех ее перечисленных ипостасях и возникла идея судна.

— Васильич, до каких пор мы будем таскать по тайге и тундре весь свой комфорт на собственном горбу? За Стенли и Левингстоном десятки людей носили все, вплоть до походной ванны. За тобой и за мной никто не понесет даже табакерки. На что ты рассчитываешь на исходе пятого десятка лет и четверти века полевых экспедиционных работ? Ты хочешь подохнуть под рюкзаком где-нибудь на заброшенной звериной тропе? — этот монолог в устах новоиспеченного доктора наук Филатыча прозвучал весьма внушительно.

В ответ я что-то пролепетал про Стенли и Левингстонов, которых у нас в полуфабрикатном виде пол-института, про твердо обещанный мне совершенно сногшибательный польский станковый рюкзак и про свою заветную мечту именно на глухой таежной тропе мирно перешагнуть в царство теней...

— Вот, вот! Директор на тебе выговор схлопочет за технику безопасности, а мы сбросимся на венки... Корабль надо строить! Собственный корабль!! Вспомни судно, которое мы встретили в прошлом году в Тобольске!

Да, этот корабль я запомнил: легкий белоснежный катер с рулевой рубкой, жилой каютой на четыре комфортабельных места, с надежным 20-сильным дизелем в особом отсеке, с дюжиной трюмов и прочих закутков для хранения экспедиционного имущества, а главное — с экипажем геологов-полевиков, которые сами себе и капитаны, и боцманы, и штурманы, и матросы. Они живут на корабле, делают любые маршруты и стоянки, совершают свою службу геологической науке с веселой и бодрой непринужденностью, опасаясь лишь собственного высокого начальства, которое в один прекрасный день может обнаружить и приспособить это судно для удовлетворения собственных охотничье-рыболовных и туристических интересов. Но против этого смысленные геологи консервируют свое судно на зимнюю стоянку за тысячу километров от родного порта и института...

И Филатыч построил-таки корабль-то! Своими руками от киля и до клотика... 31 мая я приехал к нему в Гари, как и обещал. С неделю мы с утра до вечера вкалывали уже вдвоем, готовя судно к спуску на воду. Когда местные мужики увидели установленной мачту, то сильно удивились, а потом единодушно порешили: «Она вас безо всяких парусов на ветру-то опрокинет!» — Мы и сами, грешным делом, этого опасались, но храбрились. Киль у нас был из дубового бруса, так что осадка при полной нагрузке не должна была превышать 50 см.

Спуск судна на воду не обошелся без курьеза. К реке мы притянули яхту бульдозером на тракторных санях. Всю дорогу нужно было следить, чтобы яхта не соскользнула с саней раньше времени, но когда мы столкнули сани вместе с яхтой в воду, то яхта лишь накренилась, а с саней не пошла. Это надо было видеть и слышать! Но в конце концов мы все-таки справились с положением и первый раз бросили в воду увесистый фабричный якорь. Надо заметить, что Филатыч однажды самолично припер его в портфеле из Ижевска, побывав там на какой-то научной конференции. О короткой, увы, судьбе этого якоря я еще расскажу. А пока в рубку, как сельди, набились все наши промокшие и продрогшие добровольные помощники, и мы дали первый торжественный и шумный ужин на борту.

Назавтра заправились бензином, докупили продуктов и запустили мотор. Работы на судне невпроворот, но будем доводить его до кондиций на стоянках, а в Пельиме у нас назначено рандеву с двумя прочими членами экипажа. Отныне в мои обязанности входит делать регулярные записи в судовом вахтенном журнале.

Реки Сосьва и Лозьва после слияния дают начало реке Тавде. Я странствовал в этих местах с экспедиционными отрядами в 1969, 1970 и 1976 годах, так что обстановка была мне хорошо знакома: каторжные это места — кругом лагеря с заключенными да охранники... У нас на борту имеются портативная газовая плита и запас баллонов. Розовая мечта Филатыча сбылась: вот он сидит в кокпите, орлом посматривает по сторонам, одна рука на румпеле, другая то подносит к глазам бинокль, а то ласкает у рта чашку крепчайшего чая. Позднее мы даже обзавелись пиалами и переколотили их великое множество, а о судьбе бинокля в свое время в вахтенном журнале появится, увы, сдержанная скорбная запись.

Дни на реке в длительных и дальних маршрутах, вообще говоря, поразительно похожи один на другой, и было бы крайне нудно нанизывать их в непрерывной хронологической последовательности. Иногда вечером прямо-таки помаешь голову и думаешь, а что же такого сегодня было выдающегося? — Ага! — вспоминаешь, — да я же сегодня ведро утопил! Так и пишешь в журнале: «Штурман Плотников по преступной халатности утопил казенное поганое ведро. Объявить ему общественную укоризну, поставить на вид и вычесть из жалования... Учитывая чистосердечное раскаяние, с 24.00 применить амнистию...». Но бывают и дни, когда события лепятся одно на другое, и сознание трещит от обилия впечатлений.

В Пельиме наших ребят не оказалось, но они могут появиться с минуты на минуту. На стоянке в устье реки Пелым нас совершенно заели комары. Пришлось выйти в Тавду и стать на якорь на бодром ветерке. Дождь принимается моросить, мерзостно становится на реке, а мы сидим себе в рубке да потягиваем чаек. Красота! Только вдруг замечаем, что берег за окном подозрительно видоизменяется. Выскакиваем на палубу. Так и есть: нас сорвало с якоря. Филатыч вытягивает из воды облегченный капроновый конец, рассматривает его и чернеет от горя. Узел морской развязался! Ох, этот коварный капрон! Четыре дня всего и прослужил нам якорь. Я некстати вспоминаю, как Филатыч пер его из Ижевска, на цыпочках ухажу в рубку, плотно притворяю дверь и начинаю кататься по рундуку в приступе беззвучного хохота. Наконец, заходит капитан. На него страшно смотреть, и я в конвульсиях удаляюсь в кокпит. На ночь пришлось стать на швартовы под берег.

Новый якорь системы Матросова нам назавтра же сварил в Пельиме расконвоированный заключенный, за что я запечатлел его на фотопленку во всех мыслимых видах. А несколько дней спустя, уже после славного похода в Пелымский Туман, мы еще раз прошли над местом гибели старого якоря.

— Где-то здесь вы якорь-то угробили? — шепотом и опасливо косясь на помрачневшего капитана, спросили у меня ребята. Я сдержанно кивнул, а капитан с хрустом шейных позвонков отвернулся от злополучного и неприветливого берега.

Пелымскую эпопею мы до конца своих дней будем вспоминать с огромной гордостью: там мы «экспресс-методом» овладели парусным мастерством и беспредельно уверовали в замечательные способности нашего судна.

Вновь прибывшие члены экипажа, сотрудники нашего Института Володя Ипполитов — официальный представитель Комиссии по охране природы УНЦ АН СССР и орнитолог Виктор Амеличев легко уговорили нас с Филатычем подняться по реке Пелым до знаменитого Пелымского Тумана — обширного озеровидного проточного водоема в среднем течении реки. «Там есть где поупражняться в парусном деле, и мы либо научимся этому сложному искусству, либо с честью потонем» — так и порешили. Мне приходилось в 1976 году пересекать его на

плоскодонном шитике с мотором в самую безводную межень. Нас тогда было в лодке семеро и мы вдоволь намучились в бесконечных зарослях травы и в топкой жиже. Но теперь в Тумане воды должно быть достаточно.

На полпути к Туману мы имеем длительную стоянку в селе Еремино. Филатыч кроет и перекраивает паруса, другие красят рубку и запасают продукты, весь день около нас суетятся белоголовые и голубоглазые пацаны и девчухи, а то со сдержанным любопытством подходят и степенные мужики. Еще бы, такой корабль в здешних водах они видят впервые! И скоро они уже азартно спорят между собой: сразу или чуть погодя мы потонем в Тумане со своей посудинной.

Село Еремино нас очаровало. На фоне десятков крапивных пустырей на месте заброшенных деревень, сумрачных лагерных поселков с колючей проволокой и сторожевыми вышками и бойких эфемерных поселений всевозможных газиков-трассовиков это село особенно радовало глаз своим кондовым и, судя по всему, весьма благополучным бытом. Крепкие дома, крытые и застеленные чуть ли не половиками дворы, пышные огороды... Величавые женщины, поджарые и могучие мужчины, красавицы-девушки... Помню, как я шагал по гулкому тротуару следом за Филатычем, а сбоку из капитки вдруг легко выступила тоненькая девчушка лет пятнадцати. Филатыч сбился с ноги и чуть не загремел в глубокий кювет, меня обнесло нестерпимым жаром, а все мои сорок семь лет вдруг тяжко обрушились мне на плечи.

— Все бы ты спотыкался, старый черт! — коротко бормотнул я в побуревший затылок Филатыча, тот обернулся, мы переглянулись и смущенно расхохотались. — Вовку своего здесь бы женить! — размечтался, отсмеявшись, Филатыч.

Да, обилие шустрых и крепких ребятишек подтверждает, что ереминская островная популяция здоровых и красивых людей процветает. Здесь надо заповедник этнографический организовать. Руки прочь от Еремино, порочная и хилая цивилизация! Мы и сами здесь быстро окрепли физически, в чем немалую роль сыграли великолепные домашние сливки. В компании с местным лесотехником и лесниками обследовали заветный здешний кедровник: участок действительно замечательный, но видов на урожай шишки в этом году нет.

На штурм Пелымского Тумана мы выступили в сопровождении почетного эскорта ереминских моторных лодок, но вскоре с ним расстались, выслушав последние сдержанные напутствия. Ночь нас застала в урочище Урай, на выходе из Тумана реки Малый Пелым.

За ночь борта и днище нашей яхты обросли толстым студенистым слоем икры какого-то моллюска. Трава и погруженные в воду корни, стволы и ветви поваленных деревьев были также облеплены этой зыбкой органической массой. А накануне мы наблюдали, как наши такелажные снасти на глазах утопали в мохнатом войлоке и гроздьях одуревших от любовного инстинкта поденок. И ведь все это буквально через считанные часы куда-то девается! Вот вам и один из секретов фантастической рыбопродуктивности местных водоемов. Самое замечательное, что живая природа выдает свою специфическую продукцию, как правило, мощными залпами. Насколько же четко должны быть пригнаны между собой отдельные звенья в цепях питания, чтобы экосистемы не захлебывались от перепроизводства или не задыхались от недостатка какого-то элемента своего жизнеобеспечения... Структурно-функциональная организация живых систем — вот как это называется на языке науки, — но знаем мы о ней еще очень мало.

За завтраком, для поддержания духа, рассказал друзьям, как я тонул в последний раз.

Дело было ранней осенью 1978 года. Я сошел с поезда на станции Демьянка, т. е. примерно на полдороге между Тобольском и Сургутом. Около новенького с иголочки станционного здания гудел и обдавал всю округу зловонием табуи тракторов, вездеходов, «Уралов» и МАЗов. Не успел я осмотреться, как публика с поезда и встречающие на удивление быстро рассосались

по упомянутым транспортным средствам и ландшафт обезлюдел. А я пошел в сторону старого поселка, где еще с поезда заметил на крыше одного из домов обнадеживающий знак «Л-во», что обозначает контору лесничества. Там я и смогу приткнуться на первый случай.

Очень скоро я убедился, что в ботиночках, хотя и туристических, мне далеко не уйти. С трудом отыскал более или менее сухое и чистое место на каких-то строительных конструкциях, наскоро переобулся в охотничьи сапоги и вымыл в ближайшей луже штиблеты, чтобы чистыми упрятать их в рюкзак. Между тем незаметно стемнело.

Я бодро топал по колею с жидкой грязью, но вот на одном из поворотов мне показалось, что на обочине дороги будет еще уютней. Я сделал пару шагов в сторону и тут же моя левая нога провалилась куда-то, да так, что я еле успел расправить и вздернуть вверх голенище. Но сапоги-то на два размера больше и надеты на один носок, ведь мне и идти-то было всего километра полтора. Очень не хотелось вышагнуть из стиснутого топью левого сапога, и я скоро прочно увяз и правой ногой. Ну, и забился, как муха на липучке. А рюкзак давит меня вниз, и близости дна я что-то не ощущаю. Кругом темно, никого нет, а я натурально тону, и не в воде, а в грязи! Ведь вот что обидно! И кричать неловко.

Пока я грустил, оказался по пояс в дерьме: тут уж рюкзак затормозил мое погружение, а ружье в чехле и сумка полевая сковывают действия. Метнул сумку в темноту. Где-то там сбутькало. Метнул и ружье туда же. Чуть не с головой ушел, пока из-под рюкзака выпростался. Извернулся как-то в грязи, ухватился за корягу и выполз-таки на клочок суши, как крокодил. В общем, раздайся, грязь! А тут и мужичка какого-то принесло:

— Что, провалился, парень?

— Да, мать вашу! — визгливо огрызнулся я.

— Тут очень просто провалиться, если тропку не знаешь. Трактора тонут! — утешил меня мужичок и растворился в темноте. Потом я долго выуживал рюкзак, искал и выуживал ружье и сумку, выливал воду и выгребал грязь из сапог.

Только куда теперь деться в таком молодецком виде? Сунулся было в пекарню, которую опознал по запаху, там ведь всю ночь люди работают и печи есть, но женщины, выглянув на мой робкий стук в окно, подняли такой визг, что я счел за лучшее убраться поскорей и подальше. Иду по тротуару: топ-топ-топ, а грязь с меня — шлеп да шлеп! Я уж даже рад, что ночь кругом. В конце концов рядом с водокачкой нашел какую-то будку без окон, толкнулся в дверь, она открылась. Засветил фонарик, осмотрелся: не «люкс», конечно, но жить можно, а в стенах даже гвоздики есть. Чего еще надо утопленнику? Разулся, переоделся, развесил добро по гвоздикам, фрикадельки рыбные открыл... За стеной протопали тяжелые шаги. Это, наверное, рабочие откуда-нибудь с ночной смены идут. Отчетливо донесся голос: «В будке, видимо, опять какой-то бич ночует!».

Еще затемно собрал свое имущество и подался в сторону леса. Лес не обманет, лес выручит! Там я разведу жаркий костер, отмою и просушу все свои вещи. А на тротуаре и стенах домов серебрился иней. Вот, такие пироги заготовлены для «пловающих и путешествующих, а также страждущих и плененных» ненадежным, но щедрым случаем.

После этой жуткой истории, да еще в знойный июньский полдень нам уже ничего не стоило отважно ринуться на просторы Пельмского Тумана. Сразу после выхода в него пронаблюдали выброску в лес десанта с пожарного самолета: отчаянные ребята посыпались с неба где-то километрах в двух от нас.

В первый день при слабом ветре и с одним гротом все маневры у нас получились крайне неуклюже. То и дело запетали на мели и вообще попадали не туда, куда надо. Амеличев с его 100 кг. веса был срочно произведен в водолазы и тягачи, о чем в вахтенном журнале сделана запись: «Старшему водолазу Амеличеву за каждое погружение назначить дополнительную порцию шоколада. Ввиду наличия отсутствия шоколада в судовом рационе назначить Амеличеву за каждое погружение поощрительное похлопывание по плечу прочими членами экипажа...». А дальше записи запестрели оборотами: «.. совершенно погружение в тяжелом водолазном снаряжении» — это значило, что водолаз нырял в плавках и в маске; или «... в легком вооружении», что означало «без ничего». Вечером мотором вышли в устье Верхнего Пельма и там заночевали, жестоко терзаемые комарами и духотой.

Новый день ознаменовался хорошим порывистым ветром переменных направлений и довольно внушительным волнением. Вся эта кутерьма была организована пятью или шестью грозами с ливнями и шквалами. Как раз то, что надо для парусных учений, и мы весь день трепескались посреди Тумана, теперь уже при полном парусном вооружении, т. е. при гроте и стакселе.

Как мы узнали позднее, за всеми нашими маневрами с ужасом наблюдали с берега ереминские рыбаки. У нас были первые зрители! А надо заметить, что яхтсмены более тщеславны и честолюбивы, чем даже опереточные примадонны. Конечно, картина жутковатая, когда яхта, издали кажется, лежит на боку и исчезает в волнах. А мы тем временем впервые в жизни наслаждались управлением парусами при свежем ветре. Во время одного из грозовых налетов мы вообще спустили паруса, бросили якорь, забрались в рубку и нахальнейшим образом пообедали посреди озера. С этого дня и до конца навигации ветер сделался для нас порой коварным, но всегда желанным и, в сущности, весьма надежным другом.

Вечером мы ненадолго приставали к берегу, чтобы приготовить ужин, поскольку газ у нас кончался, но для употребления ужина и ночевки мы опять-таки стали на якорь километрах в двух от берега. И ночь стала сказочным продолжением фантастического дня: под мерную качку, свист ветра в снастях, шорох волн и поскрипывание якорного каната, в хорошо продуваемой

рубке и без единого комара, изнемогая лишь от полноты дневных впечатлений, мы впервые за многие дни насладились полноценным живительным сном. Выяснилось еще два замечательных обстоятельства: судно практически непотопляемо, а весь экипаж великолепно переносит любую и сколь угодно долгую качку. Днем мы порядочно приняли на борт воды и теперь она урчало урчала под пайолами. А капитану, наверное, уже виделась во сне конструкция самоотливного кокпита.

Утром нашему старшему водоплазу и главному орнитологу захотелось обследовать гнездо орланов, замеченное еще накануне. А мы не захотели отказать себе в удовольствии видеть, как он будет кувыркаться с огромной сосны, поэтому высадили его с фотоаппаратами и «кошками» на берег, а сами пристроились наблюдать за его действиями в бинокли. Увы, ничего выдающегося не произошло...

В устье Верхнего Пельма мы вошли под парусами при слабейшем и встречном ветерке. Там, в охотничьей избушке знатно перекусили, а затем парусами же пошли против течения к деревне Шантальской. В Шантальскую прибыли через четыре часа, описали изящную «восьмерку» на ее рейде и пристали к берегу, встреченные ошеломленными селянами. В нас, как на дрожжах, выработался и бродил этакий специфический и, на наш взгляд, совершенно неотразимый «флотский шик», типа «Проездом, знаете ли, с бермудской регаты...», но надо было действительно видеть, как кто-нибудь из нас то и дело небрежно замыкает рубку и палубу после стремительной и удачной швартовки.

На ночлег стали к берегу чуть выше Шантальской «на ветерке», которого нет. Около нас сразу же зароились пацаны с велосипедами.

— Накопали бы нам червей, парни. Есть ведь они у вас в огородах? Сделайте доброе дело!
— И парни с готовностью укатили.

— Надо ведь будет их как-то вознаградить, если они червей привезут, а у нас даже конфет нет, — поделился со мной своей заботой наш шеф-повар, интендант и суперкарго Ипполитов.

— Но у нас есть сушки! — откликнулся я.

— А, что там сушки! Кого они соблазнят?

— Не говори, парень. Нужна лишь реклама! — и я торопливо ознакомил его с общими контурами сценария. А тут и пацаны подросли с червями. Я принял у них червей на берегу, сдержанно поблагодарил и небрежно кинул Володе, замешкавшемуся в рубке:

— Ипполитыч! Посмотри-ка там, не завалилось ли где сушек! Надо парней угостить, они нам червей привезли!

— Нет сушек! Остались одни баранки! — после умеренной паузы откликнулся Ипполитыч.

— Какие еще баранки?

— Да те самые. Военно-морские! Из десантного рациона!!

— Ну, так давай хоть их сюда!

Глаза у парней загорели, когда они увидели наши банальнейшие, еще гаринские и безнадежно высохшие баранки. Они их тут же с благоговением расхватили и мигом исчезли на глазах только что подошедших и предельно изумленных Филатыча и Виктора.

С этого момента все принадлежности нашего судового быта в торжественных случаях стали сопровождаться пышными эпитетами «императорский королевский военно-морской...», например, «императорская королевская военно-морская швабра», «императорский королевский военно-морской перец (или соль)» и т. д.

В обратный путь из Шантальской ушли мотором. Хотелось побереечь время для Тумана. По пути, на правом берегу, около заброшенной деревеньки Заречной напились и взяли в запас натурального нарзана из оборжавленной скважины с дебитом около 40 миллилитров в секунду.

Продолжение следует

ОРЕХОВКА

Ю. Гордеев

В тот день, когда мы с Кимом в елдовой роще у дома осматривали «дятлову кузницу» — пенек с шишками, возле него заметили на снегу еще кучу сучьев. Они лежали около ствола старой ели. Мы осмотрелись вокруг, но ничего подобного возле других стволов не заметили, стали смотреть вверх — тоже ничего не увидели. С этим и ушли, забыв вскоре о странной кучке сучьев.

Пришел май, снег почти весь растаял. Я как-то, дойдя до дятловой кузницы, стал ворошить кучу шишек и вдруг увидел, что

с той самой ели слетела птица, села на соседний кедр и на минуту замерла. Размером она была с сороку, только хвост короткий, а оперенье темно-бурое со множеством белых пятнышек.

С нетерпением дождался я Кима из школы и сразу повел к знакомой ели. На этот раз мы увидели одновременно двух птиц: одна сидела на ветке, другая выпорхнула из густых ветвей. Ким как только взглянул на них, так сразу определил:

— Это же ронжи! Их летом много бывает, когда кедровые шишки поспевают, увидишь сам! А на дереве у них гнездо!

Добраться до гнезда по голому снизу стволу мы не смогли. Для меня же оно оказалось единственным гнездом ронжи, которое удалось хотя бы издали осмотреть. В дальнейшем, уже зная жизнь ронжи, или, по-научному, ореховки, имеющей еще название кедровки, сколько я ни искал гнезда, найти не мог. Причина этого — большая скрытность кедровок, которая в период гнездования резко меняется на демонстративную открытость со времени вылета птенцов.

Ореховка в наших лесах принадлежит к зимующим, но не оседлым, т.е. живущим постоянно в одном месте, птицам. Пока бывает урожай кедровых орехов (их основной корм), они обитают год — два на одном месте, как только наступает неурожайный год, покидают родные сибирские леса, как, например, в 1968 году.

В неурожайные годы кедровки оказываются за пределами не только Тюменской области, но и Сибири. Они улетают еще дальше на юго-запад, за пределы государства, наводняя леса и города Европы. В давние времена, когда люди сохраняли много суеверий и не все знали о жизни этих птиц, появление ореховки в европейских городах считалось недобрый предзнаменованием. Вслед за массовым появлением этих темных птиц ждали войны или волны заразных болезней.

В годы неурожая шишки даже редкие ореховки, оставшиеся зимовать, голодают. Это вынуждает их переходить на питание мелкими семенами ели и сосны, для добычи которых клюв ореховки не приспособлен, да, к тому же, мешает короткий зимний день. В неурожайный год некоторые птицы приближаются к поселениям человека и вместе с сороками начинают посещать свалки кухонных отходов. Однако несвойственная для них пища мало приносит пользы, и они голодают.

Голодающие ореховки становятся менее осторожны и близко подпускают к себе собак и человека. Мне самому в один из голодных годов длинной палкой удалось убить птицу. Когда я стал снимать с нее шкурку, чтобы сделать чучело, то поразился, как она была истощена.

В годы урожая шишек эта птица зимует нормально: часть орехов она достает из шишек, оставшихся на ветвях в кронах деревьев, часть из своих запасов на земле, которые создает, начиная с августа. Всякий, кто бывал в эту пору в лесах, мог наблюдать, как они усердно ведут заготовку.

Рано утром начинается трудовой день. Прилетев на вершину кедра, ореховка осматривает несколько ветвей и, выбрав ту, на которой самая спелая шишка, громко кричит, оповещая других об удачной находке, а так как птиц много, то в урожайном кедровнике все время стоит шум. Определив достойную шишку, ореховка несколькими ударами сбивает ее. Шишка падает, птица камнем за ней, а порой и на лету схватит. Со своей добычей она чаще садится на пенек или широкие корни и приступает к очистке семенных чешуек. Делает это быстро и так же быстро достает орехи, глотает, но в горло не пропускает, а с помощью языка размещает в особые мешочки под ним. Когда в мешочках скопится два-три десятка орехов, перелетает и прячет.

Орехи кедровки прячут в мох, под корни, и особенно любят старые пни. Они должны храниться до весны, однако мелкие лесные грызуны, обычно красные полевки, которые всю зиму бодрствуют, при помощи своего обоняния легко находят запасы — «ухоронки» и уничтожают их. Птицы, как будто понимая такую угрозу, иногда прячут орехи в необычных местах. Так, в деревушке Ахтинка у Белогорья они разместили свои запасы на крыше стойла, покрытой рыхлой лесной почвой. В другом месте, у д. Усть-Назым, устроили их в ручье, что бежал по логу с Северной возвышенности.

Наблюдая за тем, как ореховки запасают семена кедра, я неоднократно поражался способности этих птиц выбирать лучшие. Как отличает их ореховка — загадка, но пустые не прячет в своих «ухоронках».

Заготовка орехов впрямь в иные, не особо урожайные годы, приобретает такие размеры, что за неделю стаи кедровок очищают целые рощи возле деревень, и когда туда приходят люди, им там делать нечего. Невольно приходит мысль о вредности этой птицы и жители часто убивают их, не зная важной зависимости между деревом и птицей.

Делая большие запасы орехов для прокормления себя и своих птенцов, кедровки весной находят не все «ухоронки», и отборные семена прорастают, давая возможность кедру расселяться очень далеко, не имея крылышек. Благодаря такой зависимости от птиц кедр быстрее восстанавливается на пожарах и вырубках, а также появляется в необычных урочищах. Так, например, в просторной, преимущественно травянистой пойме Оби на мелких островах, поросших осинкой, ивой и березой, вдруг виден пышный кедр. Или другой пример: на обширных сфагновых болотах, по островкам, кочкам также встречал отдельные деревья, правда очень угнетенные. В том и другом случае орехи принесены сюда на крыльях кедровок.

Свои запасы орехов кедровки, оставшиеся зимовать, используют, в зависимости от сохранившегося урожая на ветвях, то поздно, то рано, с выпадением первого снега. В лесу в эту пору часто можно видеть на белой поверхности рыжие иголки, кусочки мха, а рядом — ямка-тоннель к «ухоронке». Такие тоннели ореховки проделывают, когда снег становится глубоким, более 30 сантиметров. Невольно удивляешься, как они запоминают места, теперь прикрытые снегом. Однако, если вспомнить, что птицы прячут орехи в определенных местах, возле пней и корней, которые торчат из-под снега, а кроме этого, в одном месте запасы устраивают сразу несколько птиц, то станет ясно, что поиски часто бывают удачные. Найдя две — три ухоронки высококалорийных орехов, птица бывает сыта весь день. Но главное назначение огромных запасов — это обеспечение кормом своих птенцов, когда орехов на деревьях совсем не остается. А появляются они в мае и появлению их предшествует та брачная пара, за которой трудно наблюдать.

Перед началом образования пар, как и у большинства птиц, у ореховок происходят тока-правда, малозаметные. Птицы, всю зиму в одиночку проводившие время, начинают в апреле летать по лесу. Встретившись друг с другом, устраивают танцы вокруг заснеженных деревьев на земле. Несколько минут молча попрыгают друг за другом, оставят на снегу крестики следов,

затем, оценив достоинства, молча улетают. Подует ветер, заметет следы, как будто ничего не произошло. Но это не так. Появилась новая пара из двух серых молчаливых птиц.

Вскоре самочка то там, то здесь начинает подбирать клочки лишайников, снесенные ветром, и обламывать сухие ветки. Это означает, что она поверила самцу и приступила к строительству гнезда. Устраивает она его, как правило, на хвойном дереве, чаще в густых и колючих елях на высоте 5-7 метров от земли. В мае в гнездах бывают полные кладки из 4-5 пестрых, похожих на вороньи, яиц.

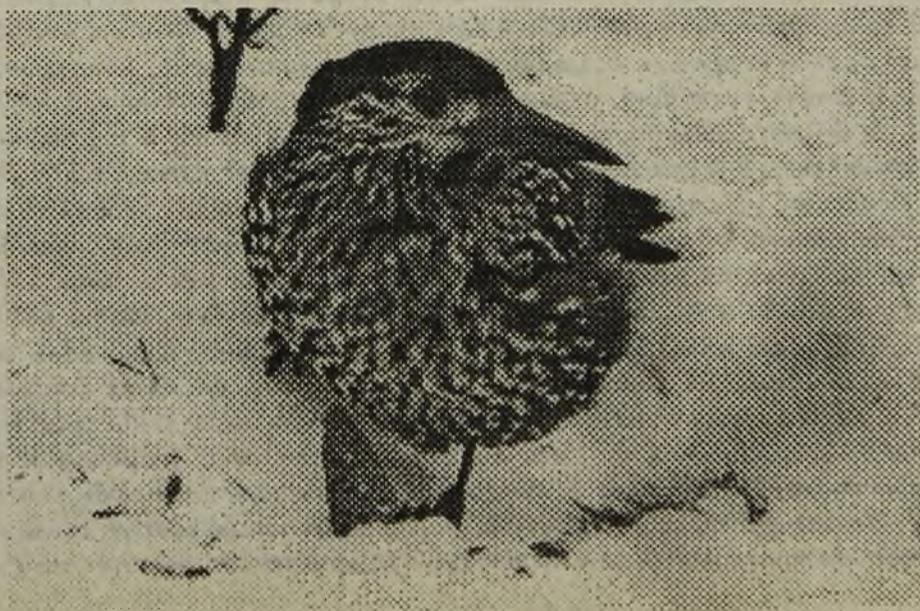
Ореховка, сидя в гнезде, в отличие от сорок и ворон, с которыми в близком родстве, ведет себя тихо. Самцы лишь ненадолго в ясные утренние часы выпархивают на верхушки деревьев. Там немного посидят и негромко посвистят, а затем на целый день скрываются в глубине леса, занимаясь поисками осенних «ухоронок».

Так скрытно ведут себя ореховки, пока подросшие птенцы в июле не покинут гнездо. С этого месяца поведение птиц меняется, они становятся шумными и заметными. Стаи их начинают кочевать по лесам, осматривая кедровники. К этому времени на кедровых ветках, если год урожайный, хорошо заметны синие шишки. Они еще молодые и все в белых каплях серы-смолы. Но это не смущает ореховок, они постоянно пробуют их, как будто боятся пропустить время созревания. Если год неурожайный, птица сразу начинает дальние кочевки и тогда появляются в разных урочищах, где не растут кедр — в сосняках, осинниках, березняках. Каждый день с восходом солнца летят они в юго-западном направлении рассеянными стаями, с одной вершины дерева на другую, потом, как будто по чьей-то команде, разом взлетают высоко и какое-то расстояние пролетают молча. Затем резко снижаются, с шумом падают с неба. Торопливо рассаживаются на деревьях, столбах, крышах и на мгновение замирают. Успокоятся и снова в путь.

Зная страх этих таежных птиц перед непонятными звуками, жители наших лесных поселков искусственно вызывают у них остановку в пути. Начинают свистеть и хлопать в ладоши — этого бывает достаточно, чтобы ореховки начали свое испуганное падение с неба.

В шумных перелетах и заготовках орехов проходят август и сентябрь, наступает октябрь. С этого месяца поведение птиц меняется, они вновь ведут себя тихо. В эту пору, собирая в лесу бруснику или пробираясь с ружьем, человек нет-нет да увидит темную птицу, молча вспорхнувшую с ветвей или с земли. Пролетев немного, если не сильно испугалась, она сядет на ветку и замрет. В эти минуты ореховка похожа на маленького человечка в меховой одежде, сидящего в задумчивой позе, и тогда кажется оправданным название «баба», данное ей казымскими хантами: ногр-тедэ-кэ! В верховьях р. Сосьвы ее называют «пактыпип» и «ворый», в Сургутском районе — «варап».

Такая она, древняя спутница кедра. Он без нее не может далеко расселяться, она без него не проживет.

Половодье
Рис. А. Сургутскова

Индекс 78716.